

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет
Лесосибирский педагогический институт**

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

Рекомендовано УМО РАЕ по классическому университетскому и техническому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050100.62 «Педагогическое образование» (профили: «Русский язык», «Литература»)).
Протокол №396 от 19 марта 2013 г.

Красноярск – Лесосибирск, 2014

УДК 811
ББК 81.1
Я 41

Рецензенты:

Ж.Ж. Талысбаева, д-р филол. наук, профессор (Каспийский государственный университет технологии и инжиниринга им. Ш. Есенова, Республика Казахстан, г. Актау);
П.Е. Суворова, д-р филол. наук, профессор кафедры культурологии Поволжской академии туризма и сервиса (г. Тольятти)

Я41 Языковая личность в гендерном аспекте: учеб. пособие/ Т.А.Бахор, О.Н. Зырянова, О.А. Кашпур, Н.А. Мазурова, С.В. Мамаева, В.С. Лобарева, И.А. Славкина, Н.С. Тишевская, Л.С. Шмульская. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – 147 с.
ISBN 978-5-7638-3073-2

Рассмотрены основные понятия гендерологии, определены особенности мужского и женского типов речи, проанализированы художественные тексты с точки зрения гендерной оппозиции.

Предназначено для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050100.62 Педагогическое образование, профили подготовки: «Русский язык», «Литература».

УДК 811
ББК81.1

© Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета, 2014

ISBN 978-5-7638-3073-2

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем учебном пособии представлены материалы по дисциплине «Языковая личность в гендерном аспекте», которая включена в национально-региональный компонент цикла дисциплин предметной подготовки образовательной программы ФГОС ВПО направления 050100.062 «Педагогическое образование», профили подготовки «Русский язык» и «Литература».

Проблема человеческого начала признана одной из центральных в современном языкознании. В последней четверти XX столетия произошло изменение лингвистической парадигмы в целом, вызванное осознанием того, что язык не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем. Именно поэтому все большее число исследователей обращается к изучению языковой личности в ее различных проявлениях. Тип языковой личности обусловлен ее психологическими, социальными, культурными параметрами, которые влияют на выбор той или иной языковой формы, их варьирования, на речевую деятельность в целом. При изучении различных сторон речевой деятельности, языковой вариативности первоначально упор делали лишь на социальную и психическую обусловленность языковых явлений. Однако затем стало очевидно, что наряду с типичными социальными или психосоциальными признаками (уровень образования, профессия, социальный статус личности и т. д.) такой биологический (безусловно, взаимосвязанный с социальным) признак, как пол, также влияет на вариативность речи. Именно поэтому в отечественном языкознании сформировалось особое направление, изучающее взаимосвязь пола и языка, – гендерная лингвистика. В настоящее время исследования в области гендерной лингвистики являются весьма актуальными. Работы последних лет (Е.М. Бакушева, Е.И. Горошко, Е.А. Земская, А.В. Кирилина, А.Д. Холод) позволяют говорить о том, что на данный момент описаны в целом прагматические характеристики языковых единиц, используемых в речи

мужчин и женщин, разрабатывается теоретическая модель вербального поведения мужчин и женщин, носителей современного русского языка.

Основными учебными задачами дисциплины авторы пособия считают следующие:

- знакомство с теоретическими положениями гендерной лингвистики;

- выявление различий в вербальном и невербальном поведении мужчин и женщин;

- анализ художественных текстов с учетом гендерной оппозиции.

Главная особенность курса и отводимых на его изучение аудиторных занятий заключается в том, что в его рамках осуществляется интеграция различных гуманитарных дисциплин (русский язык и языкознание, литературоведение, история, психология, философия и социология). Стоит отметить, что лекционная часть принципиально не отделена от практической работы студентов, причем в силу специфики курса, работа эта носит творческий характер.

ТЕМА 1. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

То, что язык далеко не единообразен в социальном отношении, известно давно. Одно из первых письменно зафиксированных наблюдений, свидетельствующих об этом, относится еще к началу XVII в. Гонсало де Корреас, преподаватель Саламанкского университета в Испании, вполне четко разграничил социальные разновидности языка: «Нужно отметить, что язык имеет кроме диалектов, бытующих в провинциях, некоторые разновидности, связанные с возрастом, положением и имуществом жителей этих провинций: существует язык сельских жителей, простолюдинов, горожан, знатных господ и придворных, ученого историка, старца, проповедника, женщин, мужчин и даже малых детей» (Степанов, 1976).

Термин «социолингвистика» ввел в научный оборот в 1952 г. американский социолог Г. Карри. Социолингвистика (социальная лингвистика) – научная дисциплина, развивающаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества. Междисциплинарный статус социолингвистики находит выражение в используемом ею понятийном аппарате. Так, языковой коллектив, рассматриваемый в качестве исходного понятия социолингвистического анализа, определяется на основе как социальных, так и языковых признаков (наличие социального взаимодействия и единство языковых признаков). Основные операционные единицы социолингвистического исследования – социолингвистические переменные – характеризуются соотнесенностью, с одной стороны, с определенным уровнем языковой структуры (фонологическим, морфологическим, синтаксическим, лексико-семантическим), с другой – с варьированием социальной структуры или социальных ситуаций.

Одной из основных проблем, изучаемых социолингвистикой, является проблема социальной дифференциации языка на всех уровнях его структуры, и в частности характер взаимосвязей между языковыми и социальными структурами, которые многоаспектны и носят опосредованный характер. Структура социальной дифференциации языка многомерна и включает как стратификационную дифференциацию, обусловленную разнородностью социальной структуры, так и ситуативную дифференциацию, обусловленную многообразием социальных ситуаций.

Задумаемся над следующим вопросом: как соотносятся между собой язык и общественная структура?

В лингвистике существует несколько теорий, дающих ответ на этот вопрос.

1. Языковые структуры определяют структуры общественные. Здесь можно вспомнить известную гипотезу Сепира – Уорфа, в соответствии с которой сознание человека определяется тем языком, на котором этот человек говорит с детства, а общественные отношения, в свою очередь, определяются этим общественным сознанием. Таким образом, человек ведет себя в обществе так, как устроен его язык. Французский социолог, философ, лингвист Ролен Барт писал: «Язык – диктатор, потому что диктует, что говорить, или: говорить – значит подчиняться». В теории Барта также языковые структуры, речь определяют поведение человека. Эти и другие теории, лежащие в данной группе, признают, таким образом, первичность языка.

2. Социальная структура определяет язык. Эта позиция отражена в работах последователей К. Маркса. Кроме того, именно эта теория лежит в основе исторических исследований лексики. Общественные и технические открытия определяют появление новых слов, изменения, значения новых слов, а следовательно, делают вывод лингвисты, язык подвержен изменениям под влиянием общества. Примером крайне радикального подхода такого типа может служить теория Марра. Николай Яковлевич Марр

писал в 1930-х годах: «Язык и стадии его развития полностью определяются общественной экономической формацией».

3. Языковые и социальные факторы воздействуют друг на друга и взаимно друг друга определяют.

4. Языковые и общественные структуры определяются более глубокими факторами. Эти глубокие факторы могут быть разные. Делл Хаймс, например, таким фактором считает культуру. По его мысли, культура определяет как языковые, так и общественные явления. Для философа Грэймаса это набор некоторых абстрактных структур сознания. Для Наума Хомского это биологические врожденные модели, с которыми каждый человек рождается. Эти не зависящие ни от языка, ни от общества факторы, по мысли вышеназванных ученых, определяют как общество, так и язык.

Важно отметить, что на уровне современных знаний эти точки зрения не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты.

В пределах социолингвистики и социологии языка обычно выделяют два больших уровня: микросоциолингвистика и макросоциолингвистика.

Микросоциолингвистика – это область социолингвистики, занимающаяся изучением функционирования языка в малых социумах в неформальном внутригрупповом общении. Микросоциолингвистика ставит в центр внимания исследователей человека и его непосредственное окружение, используя некоторые ключевые понятия социальной психологии: например, социальная роль, малая группа (формальная / неформальная), референтная (эталонная) группа, первичная / вторичная группа, лидер и аутсайдер, конформное / неконформное поведение и др. Микросоциолингвистика исследует речевое общение в диадах и триадах, таких как, например, общение врача и пациента, мужа и жены, учителя и ученика, судьи, подсудимого и адвоката и т. п., с целью раскрыть механизмы речевого поведения коммуникантов различных статусов и ролей. Макросоциолингвистика изучает процессы и отношения, которые имеют место в языке и которые в той или иной степени обусловлены социальными факторами. Эти

процессы и отношения могут характеризовать общество в целом или достаточно большие совокупности людей: социальный слой, этнос, этническую группу и т. д. Макросоциоллингвистика изучает проблемы нормализации и кодификации языка; языковую политику и языковое планирование, которые затрагивают интересы всей языковой общности или значительной его части; языковые ситуации. Анализу подвергаются компоненты, составляющие данную социально-коммуникативную систему (коды и субкоды), их распределение по сферам общения, коммуникативный вес каждого из компонентов в различных сферах социальной деятельности, потенциальные и реальные изменения в соотношении компонентов социально-коммуникативной системы. Макросоциоллингвистика охватывает также такие вопросы, как соотношение численностей говорящих на разных языках, функционирующих в данном сообществе, разграничение функций этих языков, языковая интерференция и ее типы. В последние десятилетия в макросоциоллингвистику стали включать еще одну область – взаимоотношения языков, – которая стала весьма актуальной в современном мире. (По материалам В.И. Беликова, Л.П. Крысина, 2001; В.А. Кожемякиной, Н.Г. Колесника, Т.Б. Крючковой, 2006).

Вопросы и задания

1. Определите, к макро- или микросоциоллингвистике относятся перечисленные исследования: 1) какими средствами в разных культурах привлекается и удерживается внимание слушающего, 2) как в той или иной культурной среде принято начинать и заканчивать разговор, 3) откуда дети, затем подростки умеют эффективно порождать и воспринимать сигналы в процессе коммуникации, откуда и каким образом дети приобретают знания правил подобающей коммуникации, откуда они узнают, что такое «вежливо» и что такое «грубо», что такое «полезно», «эффективно» для коммуникации, и какой именно вид коммуникации ведет к коммуникативной неудаче; 4) как правильно выбрать форму

среди разнообразных русских форм обращения (Иван Андреевич, Ваня, Иван, Ванька, Андреич и т.д.); 5) соотношения языков в двуязычных коллективах; 6) языковые конфликты и их разрешение; 7) молодежный сленг: функции, сферы употребления, лексическая специфика; 8) языковой вкус современного российского общества; 9) гендерные различия в языках.

2. Используя материалы, размещенные на сайте dic.academic.ru, заполните следующую таблицу:

«Вклад советских лингвистов в изучение социальных аспектов языка»

№	Ф.И.О. лингвиста	Даты жизни	Основные работы по социолингвистике, перечень исследуемых вопросов.
1	Карцевский Сергей Иосифович		
2	Шор Розалия Осиповна		
3	Селищев Афанасий Матвеевич		
4	Валентин Николаевич Волошинов		
5	Евгений Дмитриевич Поливанов		

ТЕМА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Основные понятия гендерной лингвистики

Половая дифференциация относится к числу тех универсальных явлений, которые так или иначе изучают все науки о человеке. Противопоставление людей по полу, т.е.

существование дихотомии "мужской/женский", пронизывает все сферы человеческого сознания и культуры. В общефилософском смысле эта проблематика была намечена еще в классических трудах В. Гумбольдта. В работе "О различии между полами и его влиянии на органическую природу" он указывал, что различные качества сопутствуют обоим полам повсюду в природе, но прежде всего в человеке, благодаря этому они производят различное впечатление.

В середине XX в. было обращено внимание на влияние экстралингвистических факторов на язык некоторых народов. В 40-е и 50-е гг. XX в. в работах антропологов-лингвистов было отмечено, что пол говорящего играет важную роль в разных языковых ситуациях. В особенности выделяется работа Э. Сепира «Язык, культура и личность», опубликованная в 1949 г., в которой он, проводя анализ языка индейцев племени яна, исследовал использование мужской и женской подсистемы языка и их связи с понятием «пола» у яна. Он выяснил, что мужчины этого племени используют мужскую речь для взаимного общения, в то время как женская речь применялась женщинами для общения с представителями обоего пола, а мужчинами – для общения с женщинами. Еще одну разновидность разделения языка по признаку пола обнаружила М. Хаас, исследуя язык индейцев племени мускоджин на юго-западе американского штата Луизиана в 1978 г. Она обнаружила, что и мужчины, и женщины в равной степени владели обеими подсистемами и использовали их при необходимости в зависимости от обстановки. В современную эпоху женская подсистема языка в этом племени сохранилась только в речи женщин старшего поколения. Молодые люди полностью усваивали мужскую речь по мере того, как начинали заниматься теми же видами деятельности, что и мужчины.

В настоящее время общеизвестным является тот факт, что эти "различные качества" полов влияют на языковую компетенцию говорящего. В зарубежном и отечественном языкознании сформировалось целое направление, изучающее взаимосвязь пола и языка, именуемое гендерной лингвистикой (Е.М. Бакушева, А.П. Мартынюк, Е.И. Горошко,

Т.И. Доценко, Е.А. Земская, А.В. Кирилина, М.А. Китайгородская, И.И. Халеева, А.М. Холод и др.).

При возникновении нового направления или нового раздела о языке естественен вопрос о необходимости формирования категориального аппарата, позволяющего анализировать проблему взаимосвязи языка и пола. Гендерология как специальная область науки образовала в современной лингвистике ряд терминов: *гендер*, *гендерлект*, *гендерные роли*, *гендерные стереотипы* и др. Центральным термином признан *гендер*. Однако его использование в отечественном научном дискурсе вызывает самые противоречивые мнения, причем предметом дискуссии является сама форма данного термина. Так, С.А. Ушакин высказывается против применения терминологических единиц, не имеющих адекватных символических форм в русском языке, и считает возможным сохранить исконный термин *пол*, под которым можно понимать сложившуюся в обществе взаимосвязь между конкретным анатомическим строением индивида и предлагаемым ему набором специфических социальных ролей. Автор считает необходимым разграничивать такие понятия, как «биологический пол» и «социальный пол», а также призывает пользоваться термином «половая идентичность», под которой понимается моделирование личностью своего поведения в соответствии с социально обусловленными канонами для лиц разного пола (Ушакина, 1999).

Предлагаемые исследователями терминологические сочетания, в основе которых лежит русское слово (*социальный пол*, *половой диморфизм*, *полоролевая дифференциация*, *биосоциальные или биокультурные характеристики человека*), могут применяться в качестве синонимов к базовому термину *гендер*, тем более что последний прочно входит в научный обиход. Использование данного термина в научных текстах, во-первых, не приводит к двусмысленности (ср. *гендерная лингвистика* – *половая лингвистика*), а во-вторых, он приобретает уже статус междисциплинарного термина, используемого не только в

лингвистике, но и в социологии, культурологии, истории, экономической теории.

Термин *гендер*, появившийся в англоязычных странах и потому не имеющий в русском языке адекватного перевода, «был изъят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле других наук – социальной философии, социологии, истории. Перенос был сделан, чтобы уйти от термина *sexus* (биологический пол)» (Кирилина, 2000). Действительно, термин *sexus* (русское *секс*) относится к биологическим характеристикам и обозначает только природный пол мужчин и женщин. На речевое же поведение влияют не только природные, физиологические особенности мужчин и женщин, но и социальные, культурные, психологические факторы в целом. Именно эти факторы аккумулирует в себе понятие «гендер» и соответствующий термин. Данный термин определяется не в чисто биологическом, а в социальном и культурном пространстве, являясь культурно и исторически обусловленным. Гендер создается в отношении к социокультурной ситуации в обществе, определяющей одни черты как женственные, а другие как маскулинные: мы социализируемся в мужчин и женщин. Смысл понятия "гендер" заключен прежде всего в идее социального моделирования или конструирования пола. Социальный пол формируется социальной практикой людей. В обществе возникает, в частности, система норм поведения, предписывающая выполнение определенных половых ролей. Отсюда появляется четкое представление о том, что есть «мужское» и «женское» в данном обществе и в данной культуре. Таким образом, междисциплинарная дефиниция термина *гендер* трактует его как "социокультурный пол". В связи с этим вызывает сомнение употребление такого терминологического сочетания, как «социогендерные отношения» – данное новообразование видится несколько тавтологичным.

Некоторые исследователи рассматривают гендер как когнитивную, глубинную категорию, через которую путем формирования ассоциативной сети на основе пола воспринимается вся окружающая действительность и

конструируется процесс познания. Иначе говоря, при помощи данной когнитивной схемы различные виды поведения (в том числе и речевые), характеристики, культурные символы неосознанно распределяются на категории "мужское" и "женское". Гендер может рассматриваться как мыслительный конструкт, мыслительная модель в сознании языковой личности. Можно предположить, что гендер является важнейшим параметром женской и мужской языковой личности (более подробно женская языковая личность в сопоставлении с мужской анализируется далее).

Если рассматривать гендер как социокультурный феномен, то, учитывая когнитивную деятельность человека, взаимосвязь мыслительной деятельности и языка, гендер должен отражаться и в самом языке, в речевой деятельности. Можно предположить, что гендер создается не только совокупностью психофизиологических, социальных факторов, но и посредством языка, его коммуникативных и когнитивных факторов. Гендерные отношения зафиксированы в языковом сознании в виде культурно обусловленных стереотипов, которые, в свою очередь, влияют на поведение (и речевое в том числе) личности.

Итак, под термином *гендер* применительно к лингвистическим описаниям мы будем понимать социокультурный пол и его репрезентацию, во-первых, в языковой способности личности, во-вторых, в самом языке (формальное выражение рода, определенные гендерные стереотипы), в-третьих, в речевом взаимодействии женской и мужской языковой личности (гендерные предпочтения, речевые жанры, формы речевой субкультуры).

Наблюдается некоторая несогласованность в употреблении других понятий и терминов, связанных с данной темой. Так, исследования мужской и женской речевой коммуникации обусловили появление термина *гендерлект* (на базе квазиэлемента *-лект*, выделенного из состава термина-эталона *диалект*, наряду с такими словами, как *социолект*, *идиолект*) (Кирилина, 2000; Шарифуллин, 2002). Однако встречающиеся дефиниции этого термина не всегда точно определяют его суть. Например, Р.Е. Бумагин под

гендерлектом понимает гендерно-ориентированное речепроизводство. Позволим себе уточнить данное определение: гендерлект – это совокупность языковых особенностей, которые проявляются при речепроизводстве, т.е. форма речи, а не речевое событие (действие).

Очевидно, что имеется тесная связь между понятиями «гендерлект» и «социолект». Некоторые дефиниции термина *социолект*, на первый взгляд, позволяют говорить о том, что он синонимичен термину *гендерлект*. Так, Т.И. Ерофеева (Ерофеева, 2000) определяет понятие «социолект» как систему речевых средств конкретной группы, детерминированных рядом других страт (лат. *stratum* «слой»), имеющих биологический и психологический характер...». Однако понятие «социолект» шире, чем более конкретное и специализированное понятие «гендерлект». Иначе говоря, гендерлект является разновидностью социолекта, соответствующие термины находятся в гипогипоронимических отношениях. Возможно выделить мужской и женский гендерлект.

Гендерологическая терминология только формируется, и нередко новообразования остаются непонятными и потому невостребованными. Так, предлагаемый в русистике термин *сексизм* определяется как "языковая единица, содержащая гендерно-дискриминативный компонент (ср. *софизм, фразеологизм, трюизм*)". С другой стороны, этот термин уже существует в социологии и определяется как господство одного пола над другим, т.е. как некоторая идеологема, а не конкретная языковая единица. Очевидно, что данный термин несколько политизирован, а также несет определенную отрицательную коннотацию. В контексте лингвистических гендерных исследований более нейтральным в данном случае видится термин *андроцентризм*, т. е. взгляд на мир с мужской точки зрения: действующее лицо констатируется скорее как мужчина, чем как женщина. В настоящее время проводится множество исследований, определяющих степень андроцентричности того или иного языка (Бумагин, 2000; Кирилина, 2000; Рюткенен, 2000.)

История гендерных исследований

Впервые рефлексия о соотношении языка и пола возникла в античности при осмыслении категории рода. Древнейшая и долго время единственная гипотеза о причинах появления и функционирования в языке категории рода была символично-семантическая теория. Ее сторонники (И. Гердер, Я. Гримм, В. Гумбольдт) считали, что грамматический род возник под влиянием природной данности, т.е. наличия людей разного пола. Удар по данной теории нанесло открытие языков, в которых отсутствует категория рода.

Изучение взаимосвязи языка и пола его носителей принято разделять на два периода, рубежом которых являются 60-е гг. XX в.:

1. Биологический детерменизм – нерегулярные и не связанные со смежными науками исследования, основанные главным образом на наблюдении разрозненных фактов.

2. Собственно-гендерные исследования – широкомасштабные исследования, обусловленные ростом интереса к прагматическому аспекту языкознания, развитием социолингвистики и изменениями в традиционном распределении мужских и женских ролей в обществе.

А.В. Кирилина выделяет также третий переходный этап между первым и вторым, продолжавшийся с начала до середины XX в. и послуживший подготовительной базой для современных гендерных исследований. Гендерной лингвистике предшествовала феминистская критика языка, или феминистская лингвистика. Выявленные ею закономерности доказывают наличие в языковой системе гендерной асимметрии. Такой вывод интерпретируется с позиций гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа: язык не только продукт развития общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. Исходя из этого феминистская критика языка настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, считая сознательное нормирование языка и языковую политику вполне продуктивными факторами, например, в политическом дискурсе (Кирилина, 2001; Шамайхина, 1996).

В XX в. информация о половых различиях в языке у народов в стадии первобытного развития (употребление тех или иных единиц дифференцировалось в зависимости от пола говорящего, поэтому существовали «женские» и «мужские» языки) натолкнула лингвистов и философов на мысль о возможности гендерных особенностей в языках Европы. Естественно, что в европейских языках нет отдельно «мужского» и «женского» языка. Но отличия, обусловленные социальными, культурными, историческими факторами пола, привлекли внимание лингвистов. Так, проанализировав речевое поведение мужчин и женщин в различных социальных слоях, Ф. Маутнер и О. Есперсен выделили некоторые лексические и синтаксические особенности, а также выявили некоторые социальные и исторические причины возникновения этих различий. Основные выводы этих исследований сводятся к тому, что женщины более консервативны в употреблении языка, творческое же использование языковых единиц – прерогатива мужчин. Исходя из этого, О. Есперсен полагал, например, что мужчины превосходят в уме женщин. В целом можно сказать, что О. Есперсен и Ф. Маутнер являются основоположниками гендерного направления в языкознании.

Исследования этого периода все же были бессистемными, нерегулярными и находились на периферии лингвистики, кроме того: в соответствии с господствующей патриархально ориентированной парадигмой традиционного языкознания существовала безусловная точка зрения: нормой признавался «мужской» язык, а отклонение от нее приписывалось «женскому».

Более интенсивные и систематические исследования в зарубежной лингвистике (прежде всего в англоязычных странах, Германии и Скандинавии) начались только в 60-е гг. прошлого столетия. Причины возникновения новой волны интереса к половому диморфизму в языке кроются, с одной стороны, в социальных проблемах общества, с другой – в развитии новых лингвистических направлений. Так, в 60-70-е гг. в общественной жизни США и Германии развивается «Новое женское движение», особую популярность

приобретают идеи феминизма. К собственно языковедческим причинам, способствующим возникновению «новой волны» гендерных исследований, относятся следующие.

Во-первых, в 50-60-х гг. XX столетия в лингвистике возникает целый ряд новых научных направлений: психолингвистика, квантитативная социоллингвистика, лингвистическая прагматика, теория коммуникации. Во-вторых, на первый план выдвигается изучение человеческого фактора в языке, исследуются проблемы взаимосвязи языка с биосоциальными характеристиками человека и, в том числе, с его полом. В-третьих, в лингвистической науке происходит смена парадигм: от структурализма к прагматике. Все это способствовало тому, что в языкознании появилось своеобразное направление, названное феминистской лингвистикой, или феминистской критикой языка. Отправной точкой для феминизма стала работа Р. Лаккофа "Язык и место женщины", посвященная особенностям женского речевого поведения и обосновавшая андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке.

В настоящий момент можно выделить два основных направления в феминистской критике языка. Первое рассматривает дискриминацию образа женщины в языковой картине мира. Представительницы его полагают, что язык фиксирует мужское видение мира, "навязывая" мужские ценности и оценки. Из этого следует вывод, что практически все языки, функционирующие в нашем патриархальном обществе, являются «мужскими», а образ женщины, отражаемый в языке, снабжен негативными коннотациями и характеристиками. К этому же направлению относятся и работы, анализирующие «механизмы включенности» в грамматический мужской род: идентификация в языке идет по мужскому роду, если говорится о представителях двух полов (Кирилина, 2001).

Не менее обширно и второе, «дискурсивное» направление феминистской критики языка. Интерес его представителей сосредоточен на изучении особенностей дискурса в целом. В основе данного направления лежит

предположение о том, что на базе патриархальных стереотипов, зафиксированных в языке, развиваются разные стратегии речевого поведения мужчин и женщин.

Важно отметить, что в центре внимания «феминистской лингвистики» только один пол – женский. Особенности мужской речи не находят отражения в работах этого направления, изучается не употребление языка, а его уже сложившаяся структура. Кроме того, представители «феминистской лингвистики» настаивают на переосмыслении и изменении сложившихся языковых норм, по их мнению андроцентрических. Однобокость этих исследований, очевидно, явилась причиной того, что в последние годы феминистскую критику языка потеснили гендерные исследования, изучающие речевые особенности обоих полов и объективно анализирующие факты языка. К числу таких работ относятся исследования Дж. Коутс, Кв. Хандке, Р.М. Бренд, Д. Кристал.

В зарубежных лингвистических исследованиях в гендерном аспекте рассмотрены практически все языковые уровни; кроме того, с учетом социокультурного пола изучали и разные аспекты речи (выбор темы, вопросы, перебивы, стратегии речи мужчин и женщин, молчание и болтливость и их функции в мире мужчины и женщины). Однако результаты и выводы этих исследований не могут быть применимы в русском языкознании, так как содержание мышления носит сугубо национальный характер, который, естественно, отражается в языке. По мнению П. Серию, в лингвистике играет роль то, где развивается та или иная концепция: как история самих концепций, так и системы их противопоставлений другим концепциям не одни и те же повсюду, они зависят от страны или, точнее, от той или иной культурной традиции (Земская, Китайгородская, Розанова, 1993; Кубрякова, 1995). Этот тезис важен для понимания того, как развивается гендерология в России и в чем ее отличия от западной.

Проблема пола в западной лингвистике имеет более глубокие корни и предстает как историческая совокупность различных знаний, институций и соответствующих практик.

Так, в зарубежной лингвистике основой для возникновения и развития гендерного направления послужили некоторые течения философской мысли XX в., в частности постмодернизм. Постмодернизм переосмысливает формы, идеи, модели деятельности, которые были сформулированы в предыдущую эпоху. Так, феминистки стали пересматривать патриархальность сначала в общественной жизни, а потом в структуре языка. Постмодернисты утверждают, что мир познаваем только через языковые формы, таким образом, доказываемая зависимость сознания личности от стереотипов языка (Ильина, 1996). Гендерологическое направление, возникшее в это время в западном языкознании, фиксирует и анализирует стереотипы феминности и маскулинности в языке.

Важно подчеркнуть, что российская гендерология не является результатом феминистских исследований, поскольку таких традиций в отечественном языкознании не было, и не основывается на постмодернистских теориях.

Скорее всего, отсутствие в отечественной лингвистике ярко выраженного феминистского направления не случайно. Во-первых, еще XVIII в. был отмечен «особым временем в женской истории России». Новорожденная возможность женского взгляда на собственное положение была эпифеноменом культурных процессов этого времени, которые и позволили перевести «молчаливое страдание» в дискурс. К внутрироссийским доминантам, определившим культурное поле XVIII столетия, можно отнести и «обмирщение» культуры и литературы на пороге петровского времени, и индивидуализацию сознания привилегированных образованных классов, и создание женщинами своих первых автобиографических творений. Именно в послепетровскую (елизаветинскую, екатериненскую) эпоху в России возникла женская литература, т.е. были опубликованы произведения, написанные женщинами, на «женские» темы, отобразившие мир женских чувств и переживаний («Своеручные записки» Н. Долгоруковой, «Воспоминания» А. Лабзиной, «Кавалерист-девица» Н. Дуровой, мемуары В. Головиной, и Е. Сабанеевой) (Пушкарева, 1997, 2001).

Во-вторых, после 1917 г. женщины в России получили равные с мужчинами гражданские права, имели возможность оканчивать высшие учебные заведения, в советские годы целью государственной политики было привлечение женщин к освоению мужских профессий. Государственная политика способствовала (наряду с отсутствием эротизированной рекламы, против которой приходилось также бороться западным феминисткам) ослаблению восприятия женщин лишь с точки зрения их репродуктивной функции или сексуальной привлекательности. Большое количество женщин-врачей, учителей, профессоров также не поддерживали стереотип домашней женщины, ограниченной лишь сферой частной жизни. Для сравнения отметим, что в Швейцарии женщины получили избирательное право лишь в 1971 г. В 70-е гг XX в. журналисткам ФРГ приходилось бороться за право читать политические новости, а в 1976 г. были приняты директивы ЕС о равноправии женщин в профессиональной жизни. Во Франции женщины были лишены права наследовать королевский трон, а принятая в 1789 г. Декларация прав человека и гражданина игнорировала вопросы, связанные с правами женщин, несмотря на то, что уже в это время женщины в этой стране стали открыто заявлять о них. Уже в XVII в. появились первые ростки «женского пространства» – салоны, в которых поднимались вопросы об интеллектуальном равенстве женщин с мужчинами, о важном значении женщин в создании культуры, о мире и гармонии как общественных ценностях, противостоящих ценностям государства. В то же время возникла идея о нормализации французского языка, который нашел своих сторонников прежде всего среди женщин высшего света, так как язык для женщин является одной из немногих возможностей самоутверждения (в других сферах приоритет традиционно оставлен за мужчинами). В середине XIX в. во Франции возникло настоящее феминистское движение, первой победой которого было признание за женщинами права на развод и возможность обучаться в высшем учебном заведении. Однако, несмотря на все эти достижения, избирательное право французские женщины

получили только в 1944 г., а декларация, исключающая любую дискриминацию по отношению к женщинам, была принята ООН лишь в 1967 г.

В современной русистике можно выделить четыре общих принципа, которые присущи общемировым исследованиям в целом:

- экспансионизм (размывание границ, расширение пределов, выход в смежные области);
- антропоцентризм (обращенность к проблеме «человек в языке»);
- неофункционализм (рассмотрение языка как деятельности, т.е. изучение его употребления);
- экспланаторность (объяснительность) (Кубрякова, 1995).

Все эти принципы так или иначе проявляются в российской гендерологии, которая, во-первых, скомбинировала в себе несколько научных областей (прежде всего психологию, социологию, лингвистику); во-вторых, поместила в центр своего исследования языковую личность и ее речевую деятельность в зависимости от биологического и социального пола; в-третьих, демонстрирует стремление не только выявить, но и объяснить причины возникновения гендерных различий в речи.

А.В. Кирилина, проводя более подробный и системный анализ проблем лингвистических гендерных исследований, выделяет несколько основных направлений, которые различаются как концептуально, так и с точки зрения методологии и характера изучаемого материала.

1. Социолингвистические гендерные исследования.
2. «Феминистская» лингвистика.
3. Собственно гендерные исследования, изучающие речевое поведение обоих полов.
4. Исследование маскулинности (самое молодое направление, возникшее в конце XX столетия).
5. Психолингвистические исследования, в рамках которых, как полагает А.В. Кирилина, проводится работа в области нейролингвистики, изучение онтогенеза речи, сюда же относится и биодетерминистское направление,

исследующее когнитивные особенности и различия между мужчинами и женщинами и их проявления в речи.

6. Культурные, лингвокультурологические исследования, включая гипотезу гендерных субкультур.

Принято считать, что гендерные исследования начали развиваться в России в конце 80-х начале 90-х гг., когда стали возникать первые феминистские группы и независимые женские организации, а в журналах появились первые публикации и переводы статей по гендерной проблематике. В 1990 г. в Институте социально-экономических проблем народонаселения была создана лаборатория, в официальном названии которой впервые был использован термин «гендер». Позднее это научное подразделение стало более известно как Московский центр гендерных исследований (МЦГИ). Сегодня российским гендерным исследованиям почти 20 лет (Кирилина, 1998).

Вопросы и задания

1. Что является объектом изучения гендерной лингвистики?

2. Дайте определение следующим терминам: гендер, гендерлект, гендерные роли, гендерные стереотипы.

3. В чем суть символично-семантической теории объяснения причин возникновения категории рода в языке?

4. Дайте общую характеристику такому направлению, как феминистская лингвистика, или феминистская критика языка.

5. Объясните, почему российская гендерология не является результатом феминистских исследований?

6. Назовите шесть основных направлений, существующих в современной гендерной лингвистике.

7. Как можно объяснить тот факт, что носители русского языка дни недели распределяют на мужские и женские («женские» дни – среда, пятница, суббота; считается, что именно эти дни более благоприятны для посадки).

ТЕМА 3. ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

История изучения языковой личности в лингвистике

Исследование функционирования языка не может ограничиваться анализом языковых явлений как таковых, важно принять во внимание все многообразие факторов и условий, связанных с субъектом речемыслительной деятельности. Конструирование и представление цельного образа субъекта речемыслительной деятельности позволяет сделать теория языковой личности.

В настоящее время значительно вырос интерес к изучению языка отдельной личности. В центре внимания исследователей оказался человек со своими языковыми, ментальными, поведенческими особенностями, своей картиной мира, включающей индивидуальное и национальное. Языковая личность стала объектом исследования во всех областях, поэтому можно говорить об антропоцентричности современной науки. «Языковая личность – вот та сквозная идея, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими язык, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» (Караулов, 2002. С. 3). Любой текст (в устной или письменной форме) создан человеком и для человека, за любым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка. В настоящее время ориентированность на языковую личность послужила основой для оформления нового направления в лингвистике – лингвистической персонологии. В рамках этого направления ведется изучение коллективной языковой личности или идиолектной языковой личности, предпринимаются попытки создания портрета отдельной языковой личности.

Определения языковой личности были неявно обозначены еще в работах В. Гумбольдта, К. Фосслера, М.М. Бахтина.

Определение языковой личности в языкознании было исторически изменчиво. Как отмечает Ю.Н. Караулов, в течение длительного периода в лингвистике преобладал обобщенный подход, который выделял человека как вид, существо говорящее. Но вопрос о соотношении языка и личности стал принципиальным в связи с проблемами определения социальной природы языка (Караулов, 2002).

Обращение к проблеме связи языка и человека можно увидеть на самых ранних этапах развития лингвистики. В.М. Алпатов (Алпатов, 1999) отмечает, что подход к языку через человека и его язык, когда исследователь мог исходить не только из корпуса текстов, но и пусть неявно или явно из собственного языкового чутья как носителя языка, существовала во всех лингвистических традициях.

Внимание к человеку как пользователю языка свойственно арабской традиции, где считалось, что существует божественный язык, на котором написан Коран, и человек не может его изменить или усовершенствовать, но может частично или полностью забыть или испортить. Высказывания на тему языка индивида можно найти у античных мыслителей. Это и изречение Платона «Характер человека познается в речи», и утверждение Марка Фабия Квинтилиана «Каков человек, такова его манера изъясняться».

В. Гумбольдт в лингвофилософской концепции духа народа отмечал влияние языка на человека и его культуру, а также на культуру всего народа, поскольку язык для него – коллективное явление. Человек не может развиваться или мыслить без языка: «Создание языка обусловлено внутренней потребностью человека. Язык – не просто внешнее средство общения людей, он заложен в самой природе человека и необходим для развития духовных сил и формирования мировоззрения» (Алпатов, 1999. С.69). Одна из антиномий Гумбольдта противопоставляет индивидуальное и коллективное в языке, что впоследствии стало одной из ведущих тем для исследований в лингвистике. Идея «национального духа» для ученого напрямую была связана с индивидом. Он отмечает, что «речевая

деятельность даже в самых своих простейших формах есть соединение индивидуальных восприятий с общей природой человека. В языке таким чудесным образом объединяется индивидуальное со всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком». Продолжение идей Гумбольдта нашло отражение в исследованиях К. Фосслера, который изучал индивидуальный язык и стиль писателей.

В 70-х гг. XIX в. создается новое направление в лингвистике – младограмматизм, представители которого начали рассматривать язык с междисциплинарной точки зрения, а также применять метод эксперимента в своих исследованиях. Авторы «Манифеста младограмматизма» призывали к психофизическому изучению человека и его языка. Однако только язык индивида признавался реальностью, причем психической реальностью, зависящей от изменчивой психической деятельности индивида (Алпатов 1999; Михалевич, 2011).

Разделял позиции младограмматиков и русский ученый И.А. Бодуэн де Куртене, который рассматривал национальные языки как абстракцию, доступную только через изучение индивидуальных языков и не существующую в действительности. Он писал: «В числе психических целых, рассматриваемых обыкновенно с ложной точки зрения, т.е. вне психики человеческой, находится также язык. Между тем, настоящую причину связи явлений языка, как и всех других комплексов представлений социально-психического мира, следует искать, с одной стороны, в индивидуально-психических центрах отдельных людей как членов известным образом оязыковленного общества, с другой стороны, в социально психологическом общении членов языкового общества» (Бодуэн де Куртене, 1963. С. 48).

Разграничение общего и индивидуального производится с наибольшей точностью у Ф. де Соссюра в связи с выделением им трех сущностей, противопоставленных друг другу: язык - речь - речевая деятельность. Язык и речь противопоставлены как общее и частное: язык социален, принадлежит всему обществу

говорящих, а речь индивидуальна; язык не зависит от внешних, физических признаков (акустических свойств, например), а речь применяется в общении, поэтому подобные характеристики необходимы.

На рубеже XIX и XX вв. в рамках дескриптивизма в Америке появляется новое направление, связанное с объединением знаний нескольких дисциплин о человеке: антропологии, лингвистики, фольклористики, археологии и этнографии, – антропологическая лингвистика. При таком подходе следовало найти новые способы изучения языка, отличные от традиционной лингвистики. При этом особое значение в исследованиях приобретает личность человека-информанта, носителя определенного языка или диалекта. Вживание в языковую практику самого исследователя при этом было невозможно, поэтому центральное место заняла работа с информантом.

Сближение лингвистики с антропологией наблюдается в трудах Э. Сепира 20-30-х гг. XX столетия. Особенно интересна его статья «Речь как черта личности» (1927), в которой рассмотрены возможные подходы к анализу речи с точки зрения изучения личности: 1) изучение различий индивида и общества; 2) изучение различных уровней речи.

Еще одним способом изучения речи человека в истории лингвистики был подход, связанный с применением бихевиористской теории языка. Так, Л. Блумфилд сводит лингвистику к психологии языка, которая изучает поведение говорящих и слушающих, а также речевые расстройства у индивида.

Важный вклад в разработку проблемы соотношения личности человека и языка был внесен В.В. Виноградовым. В публикации «О художественной прозе» (1930) им впервые был использован термин «языковая личность». В своих работах В.В. Виноградов проводил мысль о том, что «исследование индивидуального стиля автора, его места и функции в системе литературы определенного времени, соотношения с другими стилями дает возможность представить автора как языковую личность – личность, выраженную в языке и через язык, которую можно воссоздать

на основе используемых ею языковых средств. Ученый подчеркивал связь «объектно-структурных свойств и качеств» с «субъектными качествами писательского облика и его художественной манеры» (Виноградов, 1961. С. 62). Он же говорил о влиянии личности на формирование и развитие национального языка.

В середине XX в. языковая личность понималась обобщенно и, как правило, не была самостоятельным объектом описания, а упоминалась в связи с изучением других явлений языка. Первоначально проблема изучения языковой личности была важна для исследователей художественного текста в связи с противопоставлением автора–повествователя и автора – создателя произведения, автора – повествователя и образа персонажа. Например, в работе Р.А. Будагова «Литературные языки и языковые стили» (1967) утверждается, что изучение литературного языка и стиля должно рассматриваться как соотношение единичного и общего. В составе общего присутствует и индивидуальное, а индивидуальное возможно только на фоне общего: почти всякий выдающийся писатель нового времени «индивидуально обращается со всеми ресурсами языка, которые сами по себе являются всеобщим достоянием людей, говорящих на этом же языке» (Будагов, 1967. С. 117).

Таким образом, до конца 70-х гг. XX в. внимание исследователей было сосредоточено на философских аспектах проблемы языковой личности, а именно на диалектическом соотношении общего и частного в связи с языковой личностью.

В последней трети XX в. интенсивно развиваются сферы, интегрирующие в себе несколько областей изучения с общим объектом – личностью человека. Это такие науки, как социолингвистика (изучающая социальные, территориальные, профессиональные, половые, возрастные черты говорящего), психолингвистика (изучающая процесс порождения речи и ее восприятие), прагматика (рассматривающая вопросы адресанта и адресата речи, вопросы дискурса), лингводидактика (изучающая характер овладения человека речью), лингвистика текста (изучающая

организацию текста и характер применения в нем языковых единиц). Начинает формироваться новый объект изучения – говорящая личность.

С конца XX в. определяются в общих чертах основные теоретические понятия современной антрополингвистики – «языковая личность», «идиолект»; разрабатывается типология языковой личности, создаются различные модели языковой личности.

Таким образом, история изучения языковой личности в лингвистике обнаруживает давнюю историю изучения. В европейском языкознании проблема языковой личности возникла в связи с постановкой таких глобальных вопросов, как социальная природа языка, соотношение языка и речи, языка индивида и коллектива (В. Гумбольдт, Ф. де Соссюр, Э. Сепир). Важный вклад в ее разработку был внесен видными русскими лингвистами И.А. Бодуэном де Куртене, А.М. Пешковским, В.В. Виноградовым, Р.А. Будаговым и др.

Теория языковой личности Ю.Н. Караулова

По определению Ю.Н. Караулова, языковая личность – совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов. Три выделенные Ю.Н. Карауловым в дефиниции аспекта анализа текста сами по себе всегда существовали по отдельности как внутрилингвистические и вполне самостоятельные задачи.

Понятие «языковая личность» предполагает рассмотрение каждого носителя языка в качестве уникального объекта изучения. Однако в сходных или в однотипных коммуникативных ситуациях люди ведут себя одинаково. Это связано с тем, что говорящие в своем индивидуальном речевом поведении демонстрируют общие особенности группового речевого поведения: отдельный

носитель языка как бы фокусирует в себе черты коллективных языковых личностей. Например, житель города одновременно может выступить как языковая личность горожанина, языковая личность студента-словесника, языковая личность двадцатилетнего юноши и т.д.

Структура языковой личности представляется состоящей из трех уровней: 1) *вербально-семантического*, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений;

2) *когнитивного*, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную "картину мира", отражающую иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека;

3) *прагматического*, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире.

Вышеизложенная структура позволяет утверждать, что психологический аспект в изучении языковой личности представлен очень сильно, он пронизывает не только два последние – когнитивный и прагматический уровни, – но и первый, поскольку основывается на заимствованных из психологии идеях его организации в виде ассоциативно-вербальной сети. Но в то же время психологическая глубина представления языковой личности лингвистическими средствами не идет ни в какое сравнение с глубиной представления личности в психологии.

В самом выборе языковой личности в качестве объекта лингво-психологического изучения заложена потребность комплексного подхода к ее анализу, возможность и необходимость выявления на базе дискурса не только ее психологических черт, но философско-мировоззренческих предпосылок, этно-национальных особенностей, социальных характеристик, историко-культурных истоков.

В работе «Язык и личность» Ю.Н. Караулов отмечает несколько путей исследования языковой личности.

1. Изучение языковой способности личности. Так, теория врожденности языка позволит ответить на следующие вопросы:

- почему мы легко отличаем устную и письменную речь иностранца, относительно неплохо или даже хорошо владеющего русским языком, от речи малообразованного носителя русского языка, представителя того или иного говора;

- почему обнаруживается странное совпадение форм, порождаемых в онтогенезе детьми, овладевающими родным языком, с формами, зафиксированными в диалектах и в истории развития этого языка;

- почему не подготовленный филологически носитель русского языка, например, XX в. способен понимать тексты, написанные в XI, XII вв.?

Лингвисты не отрицают существование психоглоссы, под которой понимается единица языкового сознания, отражающая определенную характерную черту языкового строя, системы родного языка, которая обладает высокой устойчивостью к вариациям и стабильностью во времени. Исследование такого рода может иметь диахроническое (историческое) измерение, территориальное (синхроническое) и онтогенетическое и в итоге может воссоздать некоторые черты национального языкового типа.

2. Социально-психологические характеристики языковой личности. Человек проживает в среднем 25 тыс. дней. Большая часть из этих дней в зрелом возрасте строится довольно стандартно для данной личности. Описав один типовой день, или дневной дискурс, лингвист сможет

сделать выводы не только о языке, но и о других уровнях организации человека как языковой личности. Результаты такого конкретного лингво-психологического изучения многое дадут всем наукам, занимающимся человеком.

3. Эволюция русской языковой личности. Как развивается языковая личность в историческом времени. Что подвержено наибольшему изменению на каждом из уровней, как взаимосвязаны изменяющиеся параметры, например состав лексикона и жизненные идеалы, или иерархия ценностей в картине мира и моральные принципы и т.п. Необходимо провести сопоставление дискурсов и реконструированных на их основе параметров языковой личности разных эпох. Выводы были бы, безусловно, полезны и для современности (Караулов, 2002)

Вопросы и задания

1. Как вы понимаете тезис о том, что современная лингвистика имеет антропоцентрическую направленность? Приведите примеры.

2. Что является объектом изучения такого направления в лингвистике, как персонология?

3. *«Создание языка обусловлено внутренней потребностью человека. Язык – не просто внешнее средство общения людей, он заложен в самой природе человека и необходим для развития духовных сил и формирования мировоззрения».* Кому принадлежит данное высказывание:

- В. Гумбольдту;

- И.А. Бодуэну де Куртене;

- К. Фосслеру;

- Ф. де Соссюру.

4. Кто впервые использовал термин «языковая личность»?

5. Какое определение языковой личности дает Ю.Н. Караулов?

6. Охарактеризуйте структуру языковой личности (по теории Ю.Н. Караулова).

7. Какие пути исследования языковой личности выделил Ю.Н. Караулов?

8. Попробуйте описать свой речевой портрет как индивидуальной языковой личности.

9. Прочитайте статью и представьте материал в виде конспекта-плана:

Дронсейка Р.П. Языковая личность // rusnauka.com>13_NPT_2008/Philologia/31792.doc.htm.

ТЕМА 4. ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЙ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Причины различий в речевой деятельности мужчин и женщин следует искать, как нам кажется, в биологических, психологических, социальных особенностях женской и мужской языковой личности.

Влияние биологического фактора

Характеризуя биологические различия, мы остановимся на особенности, которая связана с функциональной асимметрией мозга.

Как отмечают представители биологических наук, у детей с момента рождения имеются такие межполовые различия, которые позднее могут определять их речемыслительную деятельность. Так, на третьем месяце у зародыша, если это мальчик, в большой концентрации имеется гормон тестостерон, который влияет на скорость роста полушарий развивающегося мозга и ответствен за возможные различия в строении мозга у мужчин и женщин. Высокое содержание тестостерона в период внутриутробного развития замедляет рост левого полушария (интересен тот факт, что уже в древнейших мифологиях и обрядах правая сторона ассоциировалась с мужским, а левая – с женским началом). Эти возможные половые различия в анатомии мозга приобретают определенный смысл в сопоставлении с данными о том, что повреждения мозга приводят у мужчин и женщин к разным результатам. Нейропсихологические исследования позволяют утверждать, что специализация

полушарий у мужчин и женщин различна. Большинство работ, существующих в настоящее время и посвященных вопросу половых различий в функциональной асимметрии мозга, свидетельствуют о том, что половые различия существуют в распределении вербальных и пространственных функций между полушариями (Блума, Лейзерсон, Хофстедтер, 1988; Спрингер, Дейк, 1983).

Есть данные о том, что в онтогенезе у девочек быстрее развивается левое полушарие и аналитический стиль мышления. У мальчиков уже к шестилетнему возрасту правое полушарие специализируется в формировании пространственных представлений и воображения. Мальчики лучше, чем девочки, ориентируются в пространстве. В возраст 7-8 лет они успешнее решают наглядные, а девочки – словесные задания (Бианки, Филиппова, 1997).

Экспериментальное исследование изучения речи билингвов и монолингвов обоего пола позволило исследователям сделать определенные выводы относительно речепорождающего процесса с позиций генеративной семантики. Можно полагать, что физиологические механизмы правого полушария обеспечивают формирование глубинно-семантических структур высказывания, тогда как левое полушарие ответственно за постсемантические процессы – трансформацию глубинных структур в поверхностные, уже оформленные и грамматически, и фонетически (Котик, 1983).

Исследования же в области функциональной асимметрии мозга последних лет показали, что функции полушарий различны в формировании не только фонетического, но и морфологического, лексического, синтаксического и семантического уровней языка. Участие в организации речевой деятельности правого и левого полушарий осуществляется при постоянном и гибком их взаимодействии, обеспечивает возможность двоякого познания внеречевой действительности, создавая целостный чувственно-иконический образ мира и проверяя его истинность через построение рациональных и логических моделей. В.Л. Деглин формулирует гипотезу о семиотической

природе функциональной асимметрии мозга, согласно которой последняя выявляется только при обработке знаковой информации и отсутствует при обработке информации, не имеющей знакового характера. Ведущим ученый называет принцип семантического дублирования, т.е. объективная реальность получает в сознании двойное отражение, мозг параллельно создает две знаковые модели мира: правое полушарие – иконическую, а левое – символическую (Черниговская, Балонина, 1982).

В прессе были опубликованы результаты японских исследователей, которые считают, что у женщин центры организации речи и связанные с ней двигательные функции находятся в передних участках мозга, а у мужчин – в задних отделах. Возможно, эти данные подтверждают поговорку, что мужик крепок задним умом (“Российская газета”, 5 апреля, 2002).

Итак, полагая, что мужчина воспринимает речь преимущественно левым полушарием, а у женщин речевые функции размещаются в обоих полушариях головного мозга, т.е. у женщины мозг менее асимметричен, становятся понятными и различия в речи, обусловленные половой дихотомией.

При изучении языкового сознания мужчин и женщин в его связи с функциональной асимметрией мозга были получены экспериментальные данные, говорящие о том, что при оперировании вербальным материалом левое и правое полушария используют принципиально разные стратегии. Если стратегия левого полушария логическая, то стратегия правого – метафорическая, ассоциативно-эмоциональная. Данное положение объясняет высокую эмоциональность и метафоричность женской речи. Было установлено также, что «левое полушарие осознает обобщенно, абстрактно, правое же целостно, во всем богатстве признаков, то есть, возможно, более конкретно». Эти особенности левого и правого полушарий объясняют тот факт, что для мужчин в большей степени характерно использование абстрактных существительных и глаголов, а в речи женщин отмечается преимущественное употребление конкретных

существительных и качественных прилагательных (Горошко, 1994).

Психологические особенности мужчин и женщин, отражающиеся в языке

При анализе психологических особенностей женщины и мужчины мы остановимся на следующих параметрах: память, интеллект, эмоциональность.

Наличие существенных психологических различий между мужчиной и женщиной само по себе ни у кого не вызывает сомнений. Однако эмпирические данные на этот счет, несмотря на огромное количество исследований, недостаточны и часто противоречивы. Не все виды психических процессов дифференцируются на «мужские» и «женские» по принципу или – или. К.Г. Юнг объясняет это тем, что женщина компенсируется мужским началом и потому ее бессознательное несет на себе, так сказать, мужской отпечаток.

Важно отметить межполовые отличия в таких познавательных процессах, как память и интеллект, поскольку они формируют языковые и неязыковые знания, или набор сведений, объединенных в определенную упорядоченную систему. Память – едва ли не основная часть нашего сознания и разума, и те знания, которые представлены в языке, так или иначе связаны с разными аспектами памяти.

В психологической литературе приводятся сведения о том, что в 18-20 лет по развитию функций памяти на первое место выходят юноши и далее через неравные временные промежутки женщины чередуются с мужчинами. Установлено, что мужчины запечатлевают материал легче и быстрее, но хуже сохраняют. Некоторые экспериментальные психологические данные, характеризующие память мужчин и женщин, противоречивы. Так, одни исследователи утверждают, что большая часть шкальных оценок памяти у мужчин в той или иной мере выше оценок памяти женщин. Другие данные говорят, что по общей массе корреляционных связей между различными показателями памяти с 18 до 40

лет женщины опережают мужчин. Все эти исследования демонстрируют, что кардинальные отличия в памяти мужчин и женщин не выявлены, однако установлено, что зрительная память развита лучше у девочек, чем у мальчиков. Возможно, именно эта особенность влияет, во-первых, на орфографическую компетенцию женщин, а во-вторых, на их ассоциативное поле (экспериментальные данные показывают, что у женщин оно более конкретное, а у мужчин – абстрактное).

Результаты исследований межполовых особенностей интеллекта открывают, что взрослые мужчины и женщины по усредненным показателям интеллектуального развития не отличаются. Однако установлено, что у мужчин лучше выходят цифровые и пространственные задачи, возможно потому, что они больше зависят от правого полушария. Женщинам легче даются словесные задачи и задачи на запоминание, это связано с тем, что они больше зависят от левого полушария. Психологами выявлена еще одна закономерность: среди мужчин больше умственно отсталых индивидуумов, но и больше высокоодаренных, зато обычно умных среди женщин больше (Виноградова, Семенов, 1993).

Особое место в гендерологии занимает проблема эмоциональности. Эмоции – это прежде всего проявление определенных психических способностей человека, однако на проявление эмоциональности влияет ряд других факторов, например биологический (см. выше) или социальный (см. ниже). Уже общим моментом (как в научном дискурсе, так и в обыденной жизни) стало утверждение о том, что женщины более эмоциональны и имеют более развитую интуицию, чем мужчины. Интересно то, что это утверждение характерно для представителей разных культур.

Эмоциональность рассматривают как один из существеннейших моментов женственности, как правило, противопоставляя ее мужской рациональности. Такое противопоставление можно встретить и в работах великих философов XIX в., и в психологических исследованиях XX столетия. Принято считать, что в отличие от мужчин женщины реже скрывают свои эмоции, чаще выражают

нежные чувства и чувствуют себя обиженными. Было доказано, что мужчины не могут выразить свои истинные чувства, даже если сами этого хотят. Существует гипотеза, что в женском мозгу имеется непосредственная связь между эмоциональным и речевым центрами. Очевидно, это и объясняет большую эмоциональную насыщенность женской речи. В мужской психологии больше рассудочности, возможно, потому, что «мужская логика – больше логика мыслей, чем чувств» (Курбатов, 1996).

Если говорить о психологических особенностях мужчин и женщин, то особый интерес, на наш взгляд, представляет теория «процессора половой дихотомии» (ППД), разработанная А.М. Холодом для объяснения реализации полового диморфизма в речевом поведении или же прагматики мужской и женской речи. Предполагается, что стиль мужчины и стиль женщины должны быть "отличны" своими маркерами. Теория основывается на том положении, что речевая деятельность – это один из видов общей психической деятельности. А.М. Холод полагает, что сексуальная деятельность, так же как и речевая, является одним из видов общей психической деятельности, т.е. оба вида деятельности функционируют в ее рамках как элементы одной системы. Следовательно, подобная взаимообусловленность имеет характерную маркированность. Наличие некоторых характерных особенностей в стиле обусловлено функцией процессора половой дихотомии (ППД). А.М. Холод считает, что ППД – это один из элементов универсального предметного кода, который ответствен за формирование символьных схем кодов на речевом этапе в соответствии с принадлежностью человека к одному из полов. Суть ППД сводится к следующим положениям.

ППД отражает психическую дифференциацию в мышлении в связи с критерием принадлежности человека к мужскому и женскому полу. Механизм подобной дифференциации основан на психофизиологических и социальных признаках определенного пола. В языке функции ППД выражаются посредством фонетических,

словообразовательных, морфологических, синтаксических единиц; в речи средством выражения могут выступать характер вокализации, предметная соотнесенность морфем с полом как результат репрезентации, грамматическая селекция морфологических категорий с полом носителя языка; "мужской", "женский" стили речи, диалогическая стратегия, селекция синтаксических структур как средств отражения антропоцентрических характеристик носителя языка и т.д. Предположительно ППД выражен в символах универсального предметного кода. В различных культурах ППД выступает также в качестве универсального (Холод, 1992).

Таким образом, теория ППД пытается объяснить все различия мужской и женской речи через психические особенности человека. Однако целостную картину причин гендерных различий может дать только совокупность всех факторов.

Социальные факторы

В сознании людей существуют своеобразные обыденные концепции, играющие роль системы координат, через призму которой истолковываются и оцениваются отношения мужчин и женщин, их социальное своеобразие, роли, положение в семье, различных сферах общественной жизни. Подобная картина мира (гендерная картина мира) формируется социумом. Мужчина и женщина в обществе выполняют определенную социальную роль (нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого). Детей с самого рождения воспитывают, обучают в соответствии с их социальной ролью, или гендерной ролью. Гендерные роли – это представление о том, каким должно быть поведение людей разных полов в данной культуре (социальное поведение, манеры, речевое поведение). Разнообразие в виде гендерных ролей в различных культурах и в разные эпохи свидетельствуют о том, что наши гендерные роли формируются культурной, исторической эпохой. И.С. Кон отмечает, что если рассматривать этот вопрос исторически, нельзя не заметить, что традиционная

система дифференциации половых ролей и связанных с ними стереотипов маскулинности – феминности отличались следующими характерными чертами:

1) мужские и женские виды деятельности и личные качества отличались очень резко и казались полярными;

2) эти различия освящались религией или ссылками на природу и представлялись нерушимыми;

3) мужские и женские функции были не просто взаимодополнительными, но и иерархическими – женщине отводилась, подчиненная роль, так что даже идеальный образ женщины конструировался с точки зрения мужских интересов.

Таким образом, гендерные стереотипы стабильны, их корни уходят в глубокое прошлое, в ходе развития общества они мало подвергаются изменениям и передаются из поколения в поколение. Гендерные роли не только определяют условия жизни мужчин и женщин, но также влияют на характер мышления. Поскольку словесно-логическим воплощением мышления является язык, то и речевое поведение мужчин и женщин зависит от гендерных ролей. Так, основная гендерная роль женщины – материнство, которое привязывает женщин к дому, делает ее жизнь более «оседлой». Эта роль формирует условия жизни: в ее обиходе меньше опасностей, напряженности, она живет в более узком информационном кругу (Нечаева, 1997; Кон, 1981).

Как отмечает Т.А. Бернштам, ограничение женского пространства границами избы, подполом, поветью, чердаком и воротами «реализовало мифологическое представление о связи женского начала с «внутренним», «низом», «хаосом» (крыша и ворота как его граница). Поэтому женский мир – это дети, родственники, знакомые, это мир повседневных хлопот. Возможно, именно поэтому темы женских разговоров чаще всего связаны с проблемами семьи; в их речи чаще употребляются оценочные прилагательные и реже встречается инвективная лексика.

Мужская же социальная роль предполагает меньшую прикованность к дому, от этого больше в его жизни

незнакомого и разнообразного, он живет в более широком информационном кругу. Возможно, именно с этим связано то, что темы мужских разговоров не ограничиваются домашними проблемами (спорт, политика, бизнес и т.д.) (Бернштам, 1985; Салмина, 2000).

Итак, различия в речи женщин и мужчин обусловлены комплексом факторов: психофизиологических и социальных. В научной литературе существуют противоречивые мнения о том, какой фактор основополагающий. Дискуссионной остается проблема степени соотношения биологических и социальных факторов в языке и речи. Так, существует мнение, что социальный фактор доминирует, поскольку законы биологии, согласно которым формируется человеческий организм, социально опосредованны, сознание и по своему происхождению и по содержанию социально. Подобный социодетерминизм проявляется в исследованиях представителей феминистской лингвистики и этнолингвистики. Е.И. Горошко, Т.Н. Салмина указывают, что основополагающим является биологический фактор, а социальный и психологический имеют лишь опосредованное значение.

Таким образом, в научном дискурсе присутствуют в большей или в меньшей степени обоснованные доказательства как социодетерминизма, так и биодетерминизма. Скорее всего в настоящее время можно говорить о биосоциальном характере полового диморфизма, так как, объясняя поведенческие и речевые различия между полами, современное состояние гендерологии не позволяет отдать явное предпочтение ни причинам биологического порядка, ни социокультурным доминантам.

Вопросы и задания

1. Какие биологические особенности мужчин и женщин влияют на их речевое поведение?
2. Охарактеризуйте межполовые отличия в таких познавательных процессах, как память и интеллект.

3. Как вы думаете, почему женщины более эмоциональны чем мужчины? Как проявляется мужская и женская эмоциональность? Приведите примеры из художественной литературы.

4. Раскройте суть теории «процесса половой дихотомии», разработанной А.М. Холодом.

5. Дайте определение термину «гендерные роли». Попробуйте составить перечень гендерных ролей. Как вы думаете, насколько жестко определены гендерные роли в российском обществе?

6. Прочитайте статью и представьте ее в виде конспекта-плана: Алешина Ю.Е., Волович А.С. проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. – 1981. - №4. – С.74-82.

7. Ответьте на вопросы методики, разработанной Сандрой Бем в 1974 для диагностики психологического пола и определения степени андрогинности, маскулинности и фемининности личности. Опросник содержит 60 утверждений (качеств), на каждое из которых испытуемый отвечает «да» или «нет», оценивая тем самым наличие или отсутствие у себя названных качеств.

1. Вера в себя.
2. Умение уступать.
3. Способность помочь.
4. Склонность защищать свои взгляды.
5. Жизнерадостность.
6. Угрюмость.
7. Независимость.
8. Застенчивость.
9. Совестьливость.
10. Атлетичность.
11. Нежность.
12. Театральность.
13. Напористость.
14. Падкость на лесть.
15. Удачливость.
16. Сильная личность.
17. Преданность.

18. Непредсказуемость.
19. Сила.
20. Женственность.
21. Надежность.
22. Аналитичность.
23. Умение сочувствовать.
24. Ревнивость.
25. Способность к лидерству.
26. Забота о людях.
27. Прямота, правдивость.
28. Склонность к риску.
29. Понимание других.
30. Скрытность.
31. Быстрота в принятии решений.
32. Сострадание.
33. Искренность.
34. Самодостаточность (полагание только на себя).
35. Способность утешить.
36. Тщеславие.
37. Властность.
38. Тихий голос.
39. Привлекательность.
40. Мужественность.
41. Теплота, сердечность.
42. Торжественность, важность.
43. Собственная позиция.
44. Мягкость.
45. Умение дружить.
46. Агрессивность.
47. Доверчивость.
48. Малорезультативность.
49. Склонность вести за собой.
50. Инфантильность.
51. Адаптивность, приспособляемость.
52. Индивидуализм.
53. Нелюбовь к ругательствам.
54. Несистематичность.
55. Дух соревнования.

56. Любовь к детям.
57. Тактичность.
58. Амбициозность, честолюбие.
59. Спокойствие.
60. Традиционность, подверженность условностям.

Ключ к тесту

Маскулинность (да):

1,4,7,10,13,16,22,25,28,31,34,37,40,43,46,49,52,55,58.

Феминность (да):

2,5,8,11,14,17,20,23,26,29,32,35,38,41,44,47,50,53,56,59.

Остальные пункты нейтральные.

За каждое совпадение ответа с ключом начисляется 1 балл. Затем определяются показатели феминности (F) и маскулинности (M) в соответствии со следующими формулами. $F=(\text{сумма баллов по феминности}):20$. $M=(\text{сумма баллов по маскулинности}):20$.

Основной индекс IS определяется как $IS=(F-M) \times 2,322$. Если величина индекса IS заключена в пределах от -1 до $+1$, то делают заключение об андрогинности. Если индекс меньше -1 ($IS < -1$), то делают заключение о маскулинности, а если индекс больше $+1$ ($IS > 1$) – о феминности. При этом в случае, когда $IS < -2,025$, говорят о ярко выраженной маскулинности, а если $IS > 2,025$, говорят о ярко выраженной феминности.

Внимание! Данный опросник определяет лишь поведенческие роли, которые берет на себя человек. Взаимосвязь результатов опросника с сексуальной ориентацией не выявлялась. Отмечено, что люди, обладающие выраженной андрогинией в поведении, успешнее справляются с деятельностью, требующей проявления как женских, так и мужских поведенческих характеристик. Такие люди легче понимают противоположный пол, быстрее и успешнее находят общий язык в общении с представителями обоих полов.

ТЕМА 5. ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Гендерные стереотипы в философии, психологии, культурологии

Гендерные стереотипы - сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины. Появление гендерных стереотипов обусловлено тем, что модель гендерных отношений исторически выстраивалась таким образом, что половые различия располагались над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины. Уже у Платона можно встретить убеждение в отличии всех женщин от мужчин: «... по своей природе как женщина, так и мужчина могут принимать участие во всех делах, однако женщина во всем немогуще мужчины» (Платон, «Республика»).

В философских, психологических, культурологических текстах прослеживаются гендерные стереотипы. Так, Аристотель в работе "О рождении животных" утверждал: «Женское и мужское начала принципиально различны по своему предназначению: если первое отождествляется с телесным, с материей, то второе – с духовным, с формой». Подобный взгляд встречается у Н. А. Бердяева, В. Ф. Эрн, В. И. Иванова. Мужское начало у многих авторов трактуется как зачинающее, женское – воспринимающее; первое – инициативно, второе – рецептивно, первое – деятельное, второе – страдательное, первое – динамическое, второе – статическое.

Можно выделить некоторые бинарные оппозиции, стереотипно приписываемые мужчине-женщине:

1. Логичность – интуитивность, абстрактность – конкретность. Прежде всего мужественность соотносится с логичностью, а женственность – с интуитивностью. Мужское мышление отличается склонностью к обобщениям, абстрактностью, мужчина более рационален. Мужское и женское самосознание имеет каждое свои отличительные черты: мужчина логичен, полон инициативы; женщина инстинктивна, склонна к самоотдаче, мудра нелогической и

неличной мудростью простоты и чистоты. В то же время женщин интересуют конкретные вещи, они конкретны в своей мыслительной деятельности. Простор женскому интеллекту обычно открывают прикладные и близкие к практике науки. Такой же взгляд на женскую конкретность можно проследить у В. В. Розанова, Н. А. Бердяева. Об оппозиции разума, сознательности, логичности мужчины и сердца, инстинкта, интуиции женщины писали В. Соловьев, В. Ф. Эрн (Логинов, 1989; Булгаков, 1996)

2. Инструментальность – экспрессивность, сознательность – бессознательность. Бытует стереотипное мнение, что женская чувственность, эмоциональная экспрессивность отличают ее от мужчины с его инструментальной размеренностью, ориентированной на цель и компетентность. Благодаря этим качествам считается, что все женщины более гибки, отзывчивы. Мужчины же более тверды и властны. К этому можно присоединить мнение С. Н. Булгакова о том, что женщина связана с «глубинами бытия».

3. Власть – подчинение. Женскими считались также преданность, жертвенность, терпение, покорность. Мужчину рассматривали как имеющего противоположные качества, и потому мужское и женское начала осмысливались в категориях власть – подчинение. «Мужчине приписывается право распоряжаться женщиной, «быть покровителем и вождем», право женщины – «в дар за любовь свою получить мужественного и сильного покровителя» (Розанов, 1995. С.142). С. Н. Булгаков, исследуя власть, выделяет в ней два начала: «Власть двойственна по природе, она знает активное и пассивное начало, слагается из властвования и подчинения... Власть представляет собой обособившееся, утвердившееся в оторванности своей мужское начало, которому присуща стихия насилия: она умеет только покорять и повелевать, но не любить и сострадать. А соответственно, и повиновение властвуемых, пассивное начало власти принимает черты столь же отвлеченной женскости, угнетаемой и поработаемой» (Булгаков, 1996. С.264). Проблему господства – подчинения рассматривают

также психоаналитики, говоря о садомазохизме. Известно, что Фрейд воспринимал мазохизм как выражение женской сущности.

4. Порядок – хаос. Философский взгляд на гендерную дифференциацию формы и материи выражается в противопоставлении порядка и хаоса. Так, Н. А. Бердяев, говоря о мужском и женском началах, отмечает: «Поскольку мужское начало есть начало оформления, внесения смысла, Логоса, строя, лада, поскольку мужественный дух оформляет, дисциплинирует, организует, постольку оно есть начало порядка» (Бердяев, 1993. С.52). Беспорядок и хаос рассматриваются как проявления женского начала: дух женственно-пассивный погружает в бесформенный, недисциплинированный, неорганизованный хаос. К этому можно присоединить подобные взгляды В. Ф. Эрна, А. Белого, Вс. Иванова, Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского. Вместе с тем современные исследователи женской и мужской психологии не считают, что мужское начало – проявление порядка, а женское – хаоса; каждый пол отличается своеобразным типом деятельности. Так, Р. Горски сообщает, что мужчины склонны сначала зафиксировать любую проблему, а лишь затем рассматривать ее, женщины же анализируют взаимоотношения по ходу дела. И если мужчинам свойственно фокусироваться на одной проблеме, то женщины фокусируются на цели, но держат в уме и широкую картину поля действия. У. Штейнберг считает, что в современной культуре очень часто женщин, которые могут думать и наслаждаться мыслительным процессом, обвиняют в мужеподобности. А так как эмоциональные проявления и экспрессивность ассоциируются с женской социально-половой ролью, то в силу устоявшихся традиций они не считаются мужскими. И пока мужчины, переживающие тонкие и глубокие эмоции, будут считаться в обществе женоподобными, они не смогут полностью реализовать свой мощный потенциал с учетом ограничений, накладываемых на эти "женские" проявления культурой. Следует помнить, что как женщина способна развивать свое мышление так, чтобы

оно стало эквивалентно мужскому, так и мужчина, в свою очередь, может дифференцировать свои потребности и чувства не хуже женщины. Кроме того, следует помнить о разных типах мужчин и женщин, содержащих в различных вариациях фемининные и маскулинные проявления (Штейнберг, 1998).

5. Независимость, индивидуальность – близость, коллективность. Важный гендерный стереотип состоит в том, что женщинам свойственно следить в первую очередь не за объектами и решением каких-то задач, а за благополучием людей, составляющих их круг общения. Так, женщины на первое место ставят отношения между людьми, в то время как мужчины во всех обществах более независимы, доминантны, властны, авторитарны и решительны. Женщины же более осторожны, склонны к подчинению, отзывчивы и демократичны.

6. Сила Я – слабость Я. Также стереотипно считается, что мужчин и женщин отличают проявления силы их личности. По мнению Флоренского, «женская деятельность в значительной мере, в более значительной, чем мужская, есть деятельность не самой женщины, а других сил в женщине» (Флоренский, 1995. С. 126). К этому можно присоединить мнение В. В. Розанова: «Я мужчины – в гору величиной, Я женское... да оно просто прислонено к мужскому Я» (Рябов, 1997). П. Флоренский сравнивает мужское начало с вертикалью, а женское – с горизонталью. Кроме того, подобный взгляд Н. Бердяева на пол прослеживается в его произведении «О назначении человека», где он утверждает, что «женщина, в которой совсем бы отсутствовал мужской принцип, не была бы личностью. Мужской принцип есть по преимуществу антропологический и личный. Женский же принцип есть по преимуществу космический и коллективный».

7. Импульсивность, активность – статичность, пассивность. В представлении Аристотеля сила, активность, движение, жизнь исходят из мужского начала, женщина же дает только пассивную материю. Гиппократ поддерживает эту доктрину и выделяет слабое (женское) и сильное

(мужское) семя. Теория Аристотеля просуществовала на протяжении всех Средних веков, вплоть до современной эпохи. Гегель также считает, что два пола должны быть различными: один – активным, другой – пассивным. Пассивность достается женщине. Вследствие дифференциации мужчина являет собой принцип активный, а женщина – принцип пассивный, ибо она остается в своем неразвернутом единстве. Современные исследователи противопоставляют активность, склонность к риску, деспотичность, импульсивность мужчин и покорность, пассивность, зависимость, слабость женщин (Рябов, 1997).

8. Непостоянство, неверность, радикализм – постоянство, верность, консерватизм. В культуре бытует стереотипное убеждение, что женщин отличает консервативность, верность всему состоявшемуся, мужчин же – радикализм, непостоянство. Г. Зиммель отмечает привязанность женщин ко всему бывшему, состоявшемуся, рассматривает эту проблему в свете бинарных оппозиций: «верность» – «неверность» (Зиммель, 1996).

Итак, философы, антропологи, психологи обосновывают различие полов, различие мужчины и женщины. Но можем ли мы сказать, что не встречаем логичных женщин и чувственных мужчин; активных, властных, доминантных, агрессивных женщин и пассивных, подчиняющихся мужчин? Социологическое значение понятий «мужской» – «женский» получает свое содержание благодаря наблюдению над действительно существующими мужскими и женскими индивидами. Эти наблюдения показывают, что ни в биологическом, ни в психологическом смысле не встречается чистой мужественности или женственности. У каждой личности наблюдается "смесь" биолого-психологических признаков своего и противоположного пола. Современная психология выделяет по четыре полоролевых типа, свойственных мужчинам и женщинам: мужественный, женственный, андрогинный (человек проявляет одновременно (необязательно в равной степени) и женские, и мужские качества) и недифференцированный.

В период глобализации и интеграции в современном мире кардинально изменилось отношение к функциям и личностным характеристикам, которые культура и общество закрепляли за полами, прежде всего за женщиной. Постепенно уходят представления о социальной пассивности женщины, о ее полной зависимости от мужчины, об отсутствии у женщины стремления подняться вверх по общественной лестнице. «Новый уклад жизни, – пишет в своей статье об изменениях социальных ролей мужчины и женщины в современном западном обществе философ и социолог Элизабет Бадинтер, – ведет к возникновению новых психологических и социальных характеристик обоих полов. И мужчины, и женщины стремятся сегодня к реализации «второй половины» своей натуры, которую их веками учили подавлять. В результате происходит смешение мужских и женских качеств, полное отрицание неравенства полов и их строго взаимодополняющего характера». Сила и слабость, открытость и замкнутость, решительность и безволие, желание подчинять и стремление подчиниться – всё это сегодня соединяется в каждом из полов и зачастую весьма причудливым образом (Рябов, 1997)

Функции гендерных стереотипов

Традиционно различают психологические и социальные функции гендерных стереотипов.

К психологическим функциям относятся:

- когнитивная функция. Гендерные стереотипы, как и все социальные стереотипы, экономят усилия индивида при восприятии сложных объектов, упрощая и систематизируя знания, получаемые индивидом из окружающей среды. Кроме того, они помогают предсказать дальнейшее поведение группы или члена этой группы («Это женщина, следовательно, она будет, скорее всего, заботливой по отношению к детям»);

- ценностно-защитная функция связана с созданием и поддержанием ценностей индивида и группы. Так, стереотипные представления о мужском эгоизме и бездушности становятся фоном для того, чтобы женщины

подчеркивали собственные заботливость и милосердие. Ценностно-защитная функция стереотипов связана с оправданием и поддержанием социальной системы: гендерные стереотипы оправдывают дискриминацию индивида, основанную на его принадлежности к группе (или же дискриминацию целой группы). Поддерживая идентичность и ценности, стереотипы способствуют проведению четких границ между «Своими» и «Чужими», в результате чего «Свои» получают позитивную оценку, а «Чужие» — негативную.

К социальным функциям, направленным на поддержание социального порядка, относятся:

- функция социального контроля. Гендерные стереотипы не только объясняют существующие в обществе отношения гендерной иерархии, но и, неизбежно приобретая нормативность, поддерживают социально приемлемые образцы поведения. В силу особой значимости для индивида гендерной идентичности нормативность присуща гендерным стереотипам в большей степени, чем, например, этническим, возрастным, профессиональным;

- социализационная функция, состоящая в обучении нормам взаимоотношений полов, содержащихся в накопленном обществом социальном опыте;

- интеграционная функция, заключающаяся в обеспечении интеграции социальной общности. Разделяемые представления о мужских и женских качествах способствуют созданию общего информационного пространства, позволяют почувствовать принадлежность к социуму и, следовательно, поддерживают стабильность, устойчивость социальной системы;

- функция установления и поддержания отношений власти и подчинения.

Гендерные стереотипы включаются в дискурс в качестве общепринятого устойчивого кода, использование которого облегчает восприятие. Они становятся востребованными в различных сферах жизни общества – политической, экономической, социальной в силу ряда причин: пол легко идентифицируется индивидом;

стереотипные представления о мужчинах и женщинах соотносятся с его или ее личным опытом; отношения полов воспринимаются как едва ли не самые очевидные, понятные, а потому легитимные.

Вопрос и задания

1. Что такое гендерные стереотипы. Чем это понятие отличается от понятия «гендерные роли»?

2. Какие функции выполняют стереотипы?

3. Как вы думаете, соответствуют ли традиционные стереотипы маскулинного и феминного поведения реальному поведению современных мужчин и женщин? Свою точку зрения обоснуйте.

4. Дополните примерами таблицу «Гендерные стереотипы», опираясь на свой жизненный опыт.

№	Группа стереотипов	Мужские стереотипы	Женские стереотипы
1	Психические и поведенческие свойства	Агрессивность	Эмоциональность
2	Профессиональные роли	Водитель	Швея
3	Семейные роли

5. Многие речевые и неречевые стереотипы зафиксированы в пословицах и поговорках. Проанализируйте предложенные ниже паремии. Определите, какие стереотипы женского речевого поведения в них отражены.

- Бабий кадык не заткнешь ни рукавом, ни рукавицей.
- Бабий язык – чертово помело.
- Бабий язык куда не завались – достанет.
- Бабы бранятся, так платки с голов валяются.
- Бабья вранья и на свинье не объедешь.
- Бьет языком баба, что шерстобой струной жильной.
- Где баба – там рынок, где две бабы – там базар.
- Женское слово, что клей пристаёт.
- Женское слово, что стрела.
- Знала б соседка, узнает и соседка.

- Иван был в орде, а у Марьи вести.
- Кто бабе поверит и трех дней не проживет.
- Меж бабьим «да» и «нет» не проденешь иголки.
- Мели, Агаша, изба-то наша.
- Мели, Емеля, твоя неделя.
- О чем две бабы говорят, вся деревня знает.
- Приехала баба из города, привезла вестей с три короба.
- Три бабы – базар, а семь – ярмарка.
- У бабы волос долог, а ум – короткий.
- У бабы волос долог, а язык длинней.
- У бабы семь пятниц на неделе.

6. Проведите анкетирование среди своих друзей и знакомых. Предложите им пословицы из задания №4. Информанты должны либо согласиться, либо не согласиться с утверждениями, отраженными в этих паремиях. Проведите статистический анализ результатов опроса, сделайте вывод.

7. Проанализируйте пословицы и поговорки, определите, какие гендерные стереотипы в них отражены.

- Баба не квашня: встала да и пошла.
- Баба бредит, да черт ей верит.
- Баба да бес – один у (в) них вес.
- Баба слезами беде помогает.
- Баба, что горшок: что ни влей – все кипит.
- Бабе дорога – от печи до порога.
- Бабе кровь проливать не годится (от обычая, что бабы не колют птиц).
- Без плачу у бабы дело не спорится.
- Где сатана не сможет, туда бабу пошлет.
- Гусь да баба – торг; два гуся, две бабы – ярмарка.
- Две косы и рядом, и в кучке, а две прялки – никак.
- Девичьи (женские) думы изменчивы.
- Еще тот и не родился, кто бы бабий норов узнал.
- Женские умы – что татарские сумы (переметны).
- Женский обычай – слезами беде помогать.
- Женских прихотей не перечтешь.
- Кобыла не лошадь, баба не человек.
- Кто с бабой свяжется, сам баба будет.

- Курица гогочет, а петух молчит.
- Курица не птица, а баба не человек.
- Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе.
- Мужик тянет в одну сторону, баба – в другую.
- На женский норов нет угадчика.
- На женский нрав не угодишь.
- От нашего ребра нам не ждать добра.
- Семь топоров вместе лежат, а две прялки – врознь.
- Смирен топор, да веретено бодливо.
- Собака умней бабы: на хозяина не лаает (о брани).
- Стели бабе вдоль, она меряет поперек. Стрижено, нет – брито (от известной прибаски).
- Я думал, идут двое, ан мужик с бабой.
- Без жены как без шапки. Без мужа, что без головы; без жены, что без ума.
- Без мужа голова не покрыта; без жены дом не крыт.
- Без мужа жена – всегда сирота (кругом сирота).
- Вдовец – деткам не отец, а сам круглый сирота.
- Воля и добрую жену портит.
- Всего милее, у кого жена всех белее.
- Где муж, там и жена.
- Доброй жене домоседство не мука.
- Добрую женою и муж честен.
- Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать.
- Жена без грозы хуже козы.
- Жена да муж – змея да уж (т. е. Одна порода, заодно).
- Жена мужа почитай, как крест на главе; муж жену береги, как трубу на бане!
- Жена мужем красна.
- Жена мужу – пластырь, муж жене – пастырь.
- Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь.
- Жена у посудника (дома), и муж у посудника (в кабаке).
- Жена честнее – мужу милее. Подчас и жена мужа красит.
- Жене спускать – добра не видать.
- Женина родня ходит в ворота, мужнина – в прикалиток.

- Женино добро колом в глотке стоит.
- Знай, баба, свое кривое веретено! Знай, сверчок, свой шесток!
- Люби жену, как душу, трясги ее, как грушу (бей, как шубу)!
- Муж – голова, жена – душа.
- Муж в дому, что глава (что крест) на церкви.
- Муж возом не навозит, что жена горшком наносит.
- Муж да жена – одна душа.
- Муж да жена – одна сатана.
- Муж жене – отец, жена мужу – венец.
- Не столько муж мешком, сколько жена горшком (сберегает, приносит, в дом).

8. Прочитайте статьи Анеты Банашек-Шаповаловой «Мужчина и женщина в русских и польских брачных анкетах в Интернете: параметры описания в цифрах» // www.owl.ru/win/womplus/2003/01_06.htm или А. Кирилиной «Гендерные стереотипы по данным языка» // Женщина плюс, 2003. № 1. Подготовьтесь к обсуждению темы «Гендерные стереотипы в различных типах дискурса».

9. Прочитайте анекдоты. Определите, какие поведенческие и речевые стереотипы в них отражены.

Парочка вернулась из поездки по Италии.

- Ну как вам понравилась Флоренция?

Супруга растерянно оборачивается к супругу:

- Милый, Флоренция – это город, где ты купил мне перчатки и шарфик?

- Как твоя семейная жизнь, Фред?

- Скверно. Жена требует от меня развода, поскольку ей кажется, что я не гармонирую с новыми гардинами в гостиной.

В магазине мужчина робко обращается к женщине:

- Простите, вы не подскажете, в какой отдел этого магазина вы бы пошли, если бы у вас была тысяча рублей.

- В косметический.

- О, большое спасибо! Побежал искать жену!

Муж жене-блондинке:

- Ты стала много времени и денег тратить на парикмахерскую.

- А что делать? Многие говорят, что у меня с головой не в порядке.

Она:

- Ты свободен?

Он:

- Женат, двое детей.

Она:

- Я в том смысле, не можешь ли в бухгалтерию зайти, принтер бумагу зажевал.

Муж жене, сидящей за рулем:

- Ну наконец-то ты правильно въехала. Жалко только, что не в наш гараж.

Мужская логика:

- Ну и что, что в ушанке, телогрейке и валенках. Зато тепло.

Женская логика:

- Подумаешь, мозги отморозила... Зато красиво!

- Дорогой, ты купил мне на 8 марта подарок?

- Конечно, дорогая!

- А он мне понравится?

- Если не понравится, отдашь мне, я о таком спиннинге давно мечтал.

Муж жене:

- Сколько денежных купюр ни кинь в Черную дыру, они все исчезнут безвозвратно. Ты об этом знаешь?

- Знаю.

- Еще бы ты не знала, вы же с ней явления одной природы.

- Дорогой, правда, мои глаза голубые, как небо.
- Угу.
- А губы красные, как розы?
- Угу.
- Как я люблю, когда ты говоришь мне такие комплименты!

Муж сидит у компьютера. Жена стоит у окна:

- Дорогой, дождь идет...

Муж:

- Скажи, что меня нету!

Время завтрака. Жена мужу:

- Уверена, что ты забыл, какой сегодня день!

- Глупости, я прекрасно помню, какой сегодня день, - ответил муж и ушел на работу.

В 10.30 в дверь позвонили. Когда жена открыла дверь, то увидела возле порога большой букет красных роз.

В 13.00 снова раздался звонок. На этот раз была коробка ее любимого бельгийского шоколада.

В 15.00 это было шикарное вечернее платье.

Жена еле дождалась мужа:

- О! Дорогой! Сначала цветы, потом шоколад, потом платье! Это самый счастливый День воздушно-десантных войск в моей жизни!

Жена – мужу, уставившемуся в газету:

- Можешь уже не говорить: «Да-да, угу, ага!». Я еще десять минут назад перестала разговаривать с тобой.

В жизни мужчин бывают периоды, когда они абсолютно равнодушны к женщинам. Это 1-й, 2-й и 3-й периоды хоккея.

Когда Бог решил наказать мужчину, он вытащил из него ребро и создал женщину. На этом успокоился и сказал:

- А душу она теперь и сама из него вытащит...

- Вчера мой муж впервые сам себе постирал носки!

- Что это на него нашло?
- Забыл снять их, когда ванну принимал!

Мужская логика – это когда путем цепочки последовательных умозаключений мы можем добиться какой-то вполне определенной цели. А женская логика – это когда с помощью абсурдных измышлений мы находим первое попавшееся решение и объявляем его смыслом наших устремлений.

Первое слово, которое сказал Адам, – «помолчи!».

- Папа, какая разница между винтовкой и автоматом?
- Огромная, сынок. Вспомни, как говорю я и как говорит твоя мама.

Вопрос: «А вы знаете, чем принципиально отличается женское общежитие от мужского?».

Ответ: «В женском посуду моют после еды, а мужском – перед едой».

- Послушайте, вы уже полчаса держите трубку и молчите. Разрешите мне позвонить.
- Не мешайте, пожалуйста, я разговариваю с женой.

10. Прочитайте тексты песен. Определите, какие гендерные роли и стереотипы в них отражены.

Из чего же, из чего же, из чего же
Сделаны наши мальчишки?
Из веснушек и хлопушек,
Из линеек и батареек
Сделаны наши мальчишки.

Из чего же, из чего же, из чего же
Сделаны наши девчонки?
Из цветочков и звоночков,

Из тетрадок и переглядок
Сделаны наши девчонки.

Из чего же, из чего же, из чего же
Сделаны наши мальчишки?
Из пружинок и картинок,
Из стекляшек и промокашек
Сделаны наши мальчишки.
Из чего же, из чего же, из чего же
Сделаны наши девчонки?
Из платочков и клубочков,
Из загадок и мармеладок
Сделаны наши девчонки.

(Яков Хелемский)

Никогда не говорила, но терпения больше нет,
Ах, кому я подарила столько самых лучших лет.
У других мужья, как люди, им намёк лишь только дай,
И в тот час обновка будет, дай сказать мне, не перебивай.

Не перебивай меня, не перебивай, я сегодня, как железо.
Не перебивай меня, не перебивай, это просто бесполезно.

Ты всегда находишь время, чтоб сходить к своим друзьям,
Ты готов бывать со всеми, лишь со мной побыть нельзя.
Для меня ты вечно занят, надоело, так и знай,
И живи теперь с друзьями, дай сказать мне, не перебивай.

Что ты, что ты, дорогая, я же так тебя люблю
И никогда не поменяю на друзей и на родню.
Ну, дай сказать хотя бы слово, ненаглядная моя,
Ведь нет такого же второго, кто бы выдержал тебя.

Нет, я ещё не всё сказала, о тишине и не мечтай,
Окончу и начну сначала, дай мне сказать, не перебивай.
Нет, я ещё не всё сказала, о тишине и не мечтай,
Окончу и начну сначала, дай мне сказать, не перебивай.

(С.Осиашвили)

11. Объясните, что имеет в виду говорящий, когда произносит следующие фразы:

- Будь мужчиной!
- Ты же мужчина!
- Не будь бабой!

12. Проанализируйте детские художественные произведения на предмет отражения в них традиционных мужских и женских гендерных норм.

Тексты для анализа:

1. Э.Успенский «Если был бы я девчонкой...»

Если был бы я девчонкой -
Я бы время не терял!
Я б на улице не прыгал,
Я б рубашки постирал,
Я бы вымыл в кухне пол,
Я бы в комнате подмёл,
Перемыл бы чашки, ложки,
Сам начистил бы картошки,
Все свои игрушки сам
Я б расставил по местам!
Отчего я не девчонка?
Я бы маме так помог!
Мама сразу бы сказала:
"Молодчина ты, сынок!"

2. С.Маршак «О мальчиках и девочках».

Из чего только сделаны мальчики?
Из чего только сделаны мальчики?
Из улиток, ракушек
И зелёных лягушек.
Вот из этого сделаны мальчики!
Из чего только сделаны девочки?
Из чего только сделаны девочки?
Из конфет, и пирожных,
И сластей всевозможных.
Вот из этого сделаны девочки!

Из чего только сделаны парни?
Из чего только сделаны парни?
Из насмешек, угроз,
Крокодиловых слез.
Вот из этого сделаны парни!
Из чего только сделаны барышни?
Из чего только сделаны барышни?
Из булавок, иголок,
Из тесёмок, наколок.
Вот из этого сделаны барышни!

3. Е Долгих «Ах, эти вездесущие мальчишки...»
Ах, эти вездесущие мальчишки!
За ними нет возможности угнаться.
Сидели б дома, да читали книжки,
Но нет, им надо в море собираться.
Один из них откроет Антарктиду,
Другой изобретёт велосипед,
А третий вовсе пропадёт из виду,
Чтобы в Китае встретить свой рассвет.
Исколеса моря и океаны,
Им небольшой покажется земля,
И в космос выйдут гордо капитаны,
стоявшие когда-то у руля.
Ах, эти вездесущие мальчишки!
И хоть проходит детства полоса,
И пишутся уже другие книжки,
В душе у них всё те же паруса!

4. М.Бородицкая «Эх, мальчишкам не понять...»
Эх, мальчишкам не понять,
Что за наслажденье —
Косы длинные растить
Чуть ли не с рожденья!
Косы холить и беречь,
Пестовать-трудиться
Крупнозубым гребешком,
Дождевой водицей.

Детским мылом промывать
Или земляничным,
То настоем диких трав,
То желтком яичным.
Ах, как сладко по утрам,
Сидя на постели,
Туго-туго их плести
Или еле-еле,
Чтобы этаким торчком
Встали над плечами
Или плавным ручейком
По спине журчали...
Как приятно выбирать
Шёлковые ленты
И от бабушек чужих
Слушать комплименты!
Нет, мальчишкам не понять
Счастья непростого —
Косы длинные носить
Класса до шестого,
А потом пойти, занять
Очередь на стрижку
И решительно сказать:
«Режьте под мальчишку!»

13. Возможно, вам приходилось встречаться с выражением «женское счастье». Как вы думаете, что под ним подразумевается? Как вы думаете, существует ли «мужское счастье»? Если «да», то в чем оно заключается?

ТЕМА 6. ОСОБЕННОСТИ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ РЕЧИ

Фонетические особенности

Фонетическая оболочка слова, высказывания является завершающим этапом во всем механизме речеобразования. С помощью фонетических средств языка говорящий воплощает внутреннюю речь во внешнюю. Лингвистами

отмечается, что набор произносительных особенностей в речи мужчин и женщин один и тот же, однако их частотность в некоторых случаях различна.

При сопоставлении фонетического уровня русского и других языков обнаруживается сходство некоторых общих тенденций, особенно в области интонации. Это объясняется прежде всего особенностями анатомического строения голосового аппарата мужчин и женщин. Интересно, что языковая специфика одних и тех же фонетических фактов в разных языках определяется рядом причин. Так, в одном из социолингвистических исследований, посвященных японскому языку, представлено следующее наблюдение. Японцы мужчины обращали внимание на то, что, разговаривая по-английски, они ощущали некоторую «феминизированность» своей речи. Сопоставив интонационные модели японского и английского языков и их восприятие, исследователи отмечали, что в японском языке высокий основной тон служит признаком женской речи, а для носителей английского языка этот же признак является выразителем категории вежливости независимо от пола.

Еще в 70-е гг. Р.И. Аванесов использовал понятие «фонологическое мышление», понимая под этим фонологическую подготовку человека. Естественно, что фонологическое мышление национально и культурно детерминировано, и звуковой фонд мужчин и женщин одинаков, однако отличия в выборе тех или иных фонетических средств языка для передачи информации позволяют утверждать, что гендерный фактор накладывает некоторый отпечаток на фонологическое мышление человека.

На сегментном уровне обращают на себя внимание следующие различия в области вокализма и консонантизма:

1. Ряд особенностей в тембральной окраске гласных связан с тем, что для многих мужчин характерен меньший раствор рта при производстве звуков, чем для женщин. Это приводит к образованию более «узких» гласных, менее богатых по тембру.

2. Растяжка первого предударного а. В женской речи в позиции I предударного слога после твердых согласных на месте <а>, <о> часто возможно произношение широкого открытого [a:], длительность которого равна ударному или превышает его: [мъга:зи'н], [р'ьска:за'л]. Эта особенность интересна тем, что раньше она характеризовала старомосковское произношение и до сих пор встречается в речи старых москвичей (растяжка предударного была свойственна речи Д.Н. Ушакова, Б.Л. Пастернака). В современном мужском произношении в этой же позиции встречается часто гласный более узкий, приближающийся по тембру к [ъ].

3. В женской речи наблюдается аффрикатизация зубных [т'], [д'] (цеканье-дзеканье), менее характерное для мужской речи.

4. Меньшая степень напряженности согласных в мужском произношении обусловила ряд звуковых изменений в потоке речи:

- ослабление смычки у согласных;
- озвончение согласных (ассимиляция по звонкости под действием соседних гласных);
- при эмфатическом произношении (эмоциональном, выразительном) растяжка согласного: [з:]а[р:]аза такая! Вот [к:]о[з']ел! (Воронина, 1984).

Исследователи отмечают бо'льшую консонантную насыщенность мужской речи, обусловленную тем, что для мужчин характерна более сильная деформация гласных в потоке речи, их количественная и качественная редукция, выпадение гласных.

Таким образом, при сопоставлении сегментных характеристик можно отметить, что особенности женского произношения наиболее ярко проявляются в сфере вокализма, а мужского – в сфере консонантизма.

Просодические (долгота и краткость слогов) различия в мужской и женской речи:

1. В женской речи распространена растяжка ударного гласного. В мужской речи шире представлена растяжка согласного. Существенно отметить, что это предпочтительно

в выборе фонетических средств и в устных научных текстах, где различия между мужской и женской речью наиболее сглажены. Конечно, невозможно утверждать, что в речи мужчин вообще недопустима растяжка гласных. При выражении некоторых значений она вполне естественна и даже необходима, например при перечислении:

(о том, какие животные жили у них в доме) Была и.... одно время так бе-е-лка/ две ко-о-шки/ черепа-а-ха/ пету-у-х жил тут же в комнате/...

2. Более яркое выражение мелодики гласных свойственно для женщин и редко встречается у мужчин. Модуляции голоса широко используются женщинами, например, при обращении к детям и животным.

Так, в работах зарубежных исследователей Дж. Градолла и Дж. Свэн констатируется тот факт, что для женщин характерно более правильное произношение.

3. Типично женским средством усиления эмоционального впечатления является широкое использование растяжки ударного гласного в словах-экспрессивах: *Ну о-о-чень симпатичные туфли! Кошма-а-рная история! и т.п.*

4. Женщины чаще используют интонационные средства для выражения многих значений, тогда как мужчины в сходных речевых ситуациях обычно прибегают к средствам лексики и грамматики. Так, при выражении положительной экспрессии женщины нередко употребляют конструкции со словами *такой, до того* и т.п., имеющими специфическое просодическое оформление: *Он та-а-кой интересный! Пирог до то-о-го вкусный!* Для мужской речи более характерна конкретизация экспрессивной оценки с помощью лексических средств.

5. Женщины для выражения различных эмоционально-оценочных значений используют смену регистров: *Девчонка такая маленькая стоит ↑// А этой хоть бы что/ в ней килограмм сто весу. ↓*

6. Женщина в своей речи широко использует такие просодические средства, как придыхание, лабиализация, назализация и др. Эти средства обычно передают различные

оттенки эмоционального состояния говорящей, ее отношения к рассказываемому.

Чуткость женщины к интонационному рисунку неоднократно отмечалась в художественной литературе: *Везет же некоторым! – Так судачили женщины, и вопрос, кому именно везет, мог толковаться как угодно: женщины объясняются чаще всего не словами, а интонацией, как птицы (Б. Васильев. «Рослик пропал...»)*.

Небольшой отрывок из воспоминаний К.И. Чуковского свидетельствует об умении А. Ахматовой не только чутко улавливать интонационные оттенки речи, но и тонко ими пользоваться: *Приехал к ней из Стокгольма почтительный швед, писавший о ней какую-то ученую книгу. Через два-три дня ее спросили, пришлось ли ей по душе те суждения, какие он высказывал о ее даровании. Анна Андреевна мгновенно ответила: – Я никогда не видела такой ослепительно белой рубашки, как та, что была на нем. Мы тут воевали, устраивали революцию, голодали, снова воевали, а шведы все эти годы сти-и-рали и гла-а-дили эту рубашку. – Последние слова она произнесла очень протяжно. Они показались мне исчерпывающей характеристикой ее отношения к мыслям ее иностранного гостя (Земская, Китайгородская, Розанова, 1993).*

Лексические особенности

Проблема выявления специфических характеристик мужской/женской речи теснейшим образом связана с анализом набора и иерархии существующих в данном обществе социальных ролей, а также ролевыми отношениями в конкретном акте коммуникации. Ролевой фактор определяет сферу традиционных интересов мужчин и женщин. В художественной литературе многочисленны примеры, подтверждающие это:

Словом, пошли толки, толки, и весь город заговорил про мертвые души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвые души, про губернаторскую дочку и Чичикова, и все, что ни есть, поднялось.... В городской толковне оказались вдруг две противоположные партии: мужская и

женская. Мужская партия, самая бестолковая, обратила внимание на мертвые души. Женская занялась исключительно похищением губернаторской дочери.... (Н.В. Гоголь. «Мертвые души»).

«Ролевой» фактор необходимо учитывать при исследовании преобладающей и специфической тематики бесед (женщины – мода, кулинария, дети, семья, косметика; мужчины – спорт, техника, политика, армия, рыбалка, охота). Следствие подобных различий – разная степень владения лексикой ряда тематических групп. Лексические различия между мужской и женской речью находят свое проявление в сфере словоупотребления.

1. Для мужчин в бытовых ситуациях характерна тенденция к точности номинации, терминологичности словоупотребления. Женщины в таких случаях используют приблизительные обозначения, эрзацноминации:

(из разговора о фотографии) А. И комната такая большая/ размеры как-то смещаются// Б, Ну/это естественно/оптика//Фокусировка такая.

А. Там такое темное пятнышко//Ну там элементы какие-то потекли// Б. Да/жидкие кристаллы.

2. В мужской речи, по сравнению с женской, обнаруживается более сильное влияние фактора «профессия». Это проявляется, в частности, в тенденции широкого употребления при непринужденном общении профессиональной терминологии. Это может служить косвенным свидетельством более высокого статуса профессиональной роли в наборе социальных ролей у мужчин по сравнению с женщинами.

Из бытовой речи мужчины, по профессии – географ: там совершенно другой принцип ориентирования // Нужно все время оглядываться / ракурс запоминать // Ну кроме всего прочего там же карст // Карстовые образования //Потом / если даже вот ночью температура плюс пять-семь в обычном месте / на болоте будет заморозок// Мох/теплоизолятор хороший//.

3. Мужской речи по сравнению с женской свойственна тенденция к использованию экспрессивных, обычно стилистически сниженных средств:

Ну чего/ давай сейчас чайку хлобыстнем?

Типично для мужской речи также намеренное, часто шутливое огрубление речи. Особенно это характерно для ситуации, где обычно проявление нежных чувств (разговоры с детьми, животными и разговоры о них):

Мужчина обращается к собаке шутливо: – Ну что лохматый / жрать или гулять хочешь?

4. Изучение закономерностей в употреблении инвектив, жаргонизмов, элементов сленга показали, что данные группы слов находятся на периферии женского лексического поля и ближе к центру в организации мужского лексикона. Так, В.И. Жельвис обращает внимание на тот факт, что существуют специальные слова, предпочитаемые в конфликтной ситуации, прежде всего, женщинами, и слова, характерные для мужской речи, но употребляемые женщинами, которые прекрасно осознают, что пользуются «не своими» вербальными средствами. Возможно, что использование женщиной инвективной лексики вступает в противоречие с усвоенным ею стереотипом поведения и ее социальной ролью. Интересно в данном случае наблюдение Е.И. Горошко, которая считает, что для женщины инвектива семантически не опустошена и, употребляя то или иное ругательство, она как бы представляет его реально («воочию»). Для мужчин же свойственно семантическое опустошение инвективы.

5. Типичной стилистической характеристикой женской речи выступает тенденция к гиперболизированной экспрессии. Это проявляется в широком функционировании слов-интенсивов: *масса, колоссальная, жутко и др.* (Земская, Китайгородская, Розанова, 1993)

Морфологические особенности

1. Экспериментальные исследования мужских и женских текстов (как устных, так и письменных) позволяют утверждать, что женщины чаще употребляют оценочные

прилагательные, местоимения, частицы, междометия. По наблюдениям лингвистов, междометие «*ой!*» является одним из излюбленных средств экспрессивизации русской речи. Так, Е.А. Земская отмечает, что в речи некоторых женщин это *ой* начинает почти любое высказывание или начальный отрезок реплики и может выражать удивление, согласие, радость, извинение и т.д.

2. Употребление грамматически неопределенных и семантически опустошенных слов (*ужас, страшно*) также типичная женская черта. Подобные слова грамматически неопределенные, поскольку по форме – это существительные (*ужас*), а по значению – наречие (однако наречия в русском языке относятся к глагольным словам, а данные языковые единицы в разговорной речи сочетаются с различными частями речи, например, «*ужас какой большой*»). В.В. Колесов характеризует слово *ужас* как «страшное» женское слово. Интересно то, что еще в XVIII-XIX вв. сатирики употребляли это сочетание, когда хотели посмеяться над восторженными обывательницами. «Ужась, как был славен!» («Живописец», 1772); «Я слышала твой муж ужась как занят» («Северная пчела», 1883). Следует отметить, что основная функция данных слов – это выражение эмоций, однако, как справедливо отмечает В.В. Колесов, эти слова содержательнее междометий «*ах*», «*ох*», и важно теперь в подобных словах не качество признака, как в древности, не количество меры, как в прошлом веке, но высший предел самого ощущения.

3. В обращении с детьми женщины употребляют в качестве средств экспрессии уменьшительно-ласкательные существительные и прилагательные даже в тех случаях, когда реальная уменьшительность именуемого предмета отсутствует: *Сейчас температурку будем мерить* (Земская, Китайгородская, Розанова, 1993).

Особенности речевого поведения

Языковая личность, в первую очередь, коммуникативно ориентирована. Это проявляется в ее способности построить сообщение, выразить свое отношение к сообщаемому, к

участникам коммуникативной ситуации, а также обозначить свою роль в ней, выразить свое «я».

Речевое общение мужчин и женщин, прежде всего в гомогенных коллективах, имеет ряд специфических особенностей. Имеющиеся наблюдения исследователей дают возможность предположить, что в речевом общении женщин по сравнению с мужчинами более значительна доля фатических коммуникативных актов, т.е. тех, основная цель которых само общение, контакт. Показательный такой диалог двух женщин: *А. Лена/ну как ты договорилась? Б. Двадцать третьего поеду // А. А что ты будешь делать до двадцать третьего? Б. Придется в городе сидеть. А. Ужас! Может сейчас встретимся? Б. Ну что я к тебе приеду? А. Ну хоть пожалуешься //*

По-видимому, преобладание фатики поддерживает устойчивый миф о том, что женщины говорят больше, чем мужчины. Это мнение, оказывается, ошибочно. Наблюдения, проведенные американскими специалистами из Денверского университета, показали, что мужчины говорят не меньше женщин, но с одной существенной особенностью – они говорят на определенную тему или по конкретному поводу, в то время как женщины говорят просто так, для удовольствия.

Речевое поведение мужчин и женщин характеризуется разным осознанием приоритетных и паритетных ролевых отношений в конкретном коммуникативном акте, когда участники – двое мужчин и ребенок, две женщины и ребенок. Наблюдения показывают, что женщины легче переключаются, «меняют» роли в акте коммуникации, проявляя большую психологическую активность и гибкость.

Типическая черта построения текста, свойственная женщинам, – включение в ход разговора, беседы, диалога той тематики, которую порождает обстановка речи, действия, которые производят говорящие.

(Мужчина и женщина говорят по телефону): М: Я обдумывал этот вопрос очень долго/можно сказать/всю сознательную жизнь // Ж. (извиняясь) Простите / я чайник выключу//

Специфическая особенность речевого поведения многих мужчин – явление, которое можно условно назвать психологической глухотой. Имеется в виду следующее: когда мужчины беседуют на какую-то интересующую их тему (политика, спорт и т.п.), они не обращают внимания и не слышат того, что говорят им, и не замечают того, что творится вокруг. Это свойственно не всем мужчинам, многие мужчины, напротив, не могут выключиться из окружающей ситуации. Однако как типическая особенность сконцентрированность на определенной важной для них теме присуща именно мужчинам.

(разговор между мужем и женой) Ж. Чай пить будешь? М. (муж, не отвечая, продолжает говорить с собеседником). Ж. Чай пить будешь? М. (не обращает внимания) Ж. (сердито) я тебе говорю! Чай пить будешь? М. (спокойно) А-а? Да / Пожалуй.

Мужчина погружен в ход своих мыслей во время беседы и часто не реагирует на окружающую обстановку, выключаясь из нее. Женщина живет в открытом мире, чутко реагирует на все происходящее вокруг (детей, природу, домашних животных, бытовые явления и т.п.). Именно эти обстоятельства играют большую роль в речевом поведении мужчин и женщин, отражают их социальные роли в обществе

Рассматривая построение текста, следует отметить, что женской речи более, чем мужской, свойственно ассоциативное соскальзывание с темы разговора. В речи женщин нередко констатация факта или какое-либо утверждение дополняется, доказывается или иллюстрируется примерами из личного жизненного опыта. Типичны отвлечения на чисто ситуативные моменты. Подобная манера может быть свойственна и мужчине, но это менее типично, поэтому она воспринимается как яркая индивидуальная особенность. Ср. например, воспоминания М.В. Сабашникова об оригинальной речевой манере К.Д. Бальмонта:

«...Мы втроем ужинали на террасе, после чего садились на ступеньки и начинали разговаривать на самые разнообразные темы. К.Д. как-то мало интересовался

связью явлений. Рассуждения и причинах и следствиях его как будто утомляли. Личное, хотя бы мимолетное, пусть даже ложное (возможность чего для него, впрочем, как будто не существовала) впечатление от вещи или события, связанное с этим переживание представляло для него единственный интерес. В беседе он был истым импрессионистом. Меткие эпитеты, сарказмы и самые нежные слова неожиданно сменяли друг друга. Разговор искрился, но постоянно перескакивал на ассоциации, с темы на тему (М.В. Сабашников. Воспоминания).

В литературе, посвященной проблеме «пол и язык», большое место занимает вопрос о перебивах: кто кого чаще перебивает в речи, т.е. начинает говорить раньше, чем закончил другой. Наблюдения специалистов свидетельствуют о том, что мужчины чаще перебивают женщин, чем мужчин, и что вообще женщины перебивают реже, чем мужчины. В непринужденных разговорах женщины нередко протестуют против того, чтобы их перебивали. Высокочастотны формулы типа: *Дай сказать! Не перебивай меня! Не мешай!*

Языковая личность ярко проявляет себя в той или иной разновидности речи (монолог, диалог). Так, анализ текстов-диалогов позволил определить следующие тенденции:

1. Женщины задают больше вопросов. Вопросы, как правило, задаются с целью каким-либо образом продолжить беседу.

2. Несогласие с мнением собеседника женщина чаще, чем мужчина, выражает молчанием. При прерывании речи женщина также реагирует молчанием.

3. В женском дискурсе более вежливый характер реплик.

4. Когда женщина согласна с мнением собеседника, она чаще выражает свое одобрение (вербально и невербально).

5. Женщина избегает элементов «панибратского» речевого поведения (т.е. употребление кличек, прозвищ, унижительных обращений).

6. Женщина чаще извиняется.

7. Во время беседы женщины получают комплименты чаще, чем мужчина.

Мужчинам характерны следующие особенности:

1. Интерпретировать речь собеседника и сообщаемую ему информацию.

2. Чаще перебивать собеседника, особенно если это женщина.

3. Чаще дискутировать и оспаривать мнение собеседника, игнорировать его комментарии.

4. Стараться доминировать в беседе.

5. Выражать свои намерения прямо, не используя при этом корректные и чересчур вежливые формы слов.

6. Склонны к тому, чтобы чаще начинать беседу и выбирать тему беседы.

7. Количество мужских реплик в диалоге, как правило, больше, и по продолжительности они длиннее.

8. Склонны рассматривать вопросы как источник информации, а не как средство для продолжения разговора.

9. Мужчины стараются в разговоре разрешить возникшие проблемы и дать советы по этому поводу.

А.Ф. Вернер считает, что речевые стили мужчин и женщин прежде всего отличаются тем, в какой степени мужчины и женщины учитывают реакции партнера на предшествующие высказывания. Мужчины в большей степени ориентируются на собственные предыдущие высказывания, а женщины – на высказывания коммуникативного партнера.

В целом, нужно отметить, что женский стиль общения рассчитан на уменьшение социального расстояния и установление психологической близости с другими (Вернер, 1984; Земская, Китайгородская, Розанова, 1993).

Вопросы и задания

1. Прослушайте выступления комиков-пародистов, изображающих женщин. Какие фонетические особенности женской речи используют мужчины-пародисты в качестве характерологического средства?

2. Приведите фрагменты из художественной литературы, которые характеризовали бы ту или иную просодическую особенность женской речи.

3. Прочитайте фрагмент из произведения А.И. Герцена «Былое и думы». На какую черту женского речевого поведения обращает внимание один из персонажей?

«Верите ли вы в магнетизм? – спросила его при мне одна дама, довольно умная и образованная.

– Да что вы разумеете под магнетизмом? – Дама ему сказала какой-то общий вздор.

– Вам ни копейки не стоит знать, – отвечал он, – верю я магнетизму или нет, а хотите я вам расскажу, что я видал по этой части.

– Пожалуйста.

– Только слушайте внимательно. – После этого он передал очень живо, умно и интересно опыт какого-то харьковского доктора, его знакомого.

Середь разговора человек принес на подносе закуску. Дама сказала ему, когда он выходил: – Ты забыл подать горчицы.

Чеботарев остановился. – Продолжайте, продолжайте, – сказала дама, несколько уж испуганная, – я слушаю.

– Соль-то принес ли он?

– Это вы уже и рассердились, – прибавила дама, краснея.

– Нисколько, будьте уверены; я знаю, что вы внимательно слушали, да и то знаю, что женщина, как бы ни была умна и о чем бы ни шла речь, не может никогда стать выше кухни, – за что же я лично на вас смел бы рассердиться».

4. Используя материал, представленный в книге «Русская разговорная речь» (М., 1973), приведите примеры, подтверждающие или опровергающие следующие положения:

- женщины способны быстро переключаться с одной темы на другую в процессе коммуникации;

- мужчины сконцентрированы на одной теме;

- женская речь более эмоциональна, нежели мужская.

5. Прочитайте выдержки из женского журнала о модных цветах 2014 года. Подготовьте сообщение на тему «Колоративная лексика в современных женских журналах».

«Главный цвет весны и лета 2014 – ослепительно синий (Dazzling Blue). По данным аналитиков, его активно использовали в своих коллекциях более четверти дизайнеров, среди которых Fendi, VeraWang, Chloe. Вещи этого оттенка синего словно подсвечены изнутри, остаться незамеченной в таком наряде невозможно. Яркий синий цвет хорош тем, что его легко сочетать с другими. Например, синие зауженные брюки или пышная юбка со складками на талии отлично подойдут к белой рубашке или серому джемперу. Дополнить такое классическое сочетание можно аксессуарами любого модного яркого цвета, например красного или зеленого. Must-have для настоящих модниц – ослепительно-синее платье-футляр или клубный блейзер.

Оспаривает первенство другой яркий цвет – «сияющая орхидея» (Radiant Orchid). Это игривый и нарядный оттенок фиолетового с розовыми нотками. Без сомнения, вещи цвета орхидеи можно будет носить всю весу и лето: он отлично освежит уставшую за зиму кожу, а затем подчеркнет загар. Посмотреть примеры платьев и топов этого оттенка можно в коллекциях DKNY, Max Mara и Diane von Furstenberg.

Добавит «перчинки» в гардероб кайенский цвет (Cayenne), насыщенный красно-оранжевый оттенок жгучих стручков. Он прекрасен и для аксессуаров, и для объемных пальто ранней весны. Вещи этого цвета есть у Tommy Hilfiger, Caractere, Elie Saab и бюджетной Zara. Стоит отметить, что именно кайенский оттенок красного безупречно сочетается и с яркими, и с пастельными цветами.

Яркую палитру продолжает солнечный желтый цвет, носящий весной и летом 2014 года название фрезия (Freesia). Этот оттенок ассоциируется с весной и первыми цветами: мимозой, нарциссами, одуванчиками. Ярко-желтые вещи поднимут настроение не только своей обладательнице, но и окружающим. Даже если желтый «не к лицу», стоит обратить внимание на аксессуары этого цвета: сумка или

ремень могут отлично разбавить базовые и пастельные цвета. Вдохнули жизнь в этот солнечный желтый цвет Prada, Ralph Lauren, Versace, Christian Siriano и другие.

Еще один яркий цвет – глубокий и насыщенный оранжевый (Celosia Orange). От оттенков прошлых сезонов он отличается большей плотностью и легкой «припыленностью». Дизайнеры смело рекомендуют модный оранжевый цвет для платьев и жакетов довольно строго классического силуэта. Сочетать оранжевый для экстра-модного образа лучше с желтым или оттенком орхидеи, для более умеренного – с базовыми цветами. Вдохновиться яркими желтыми и оранжевыми вещами можно, рассматривая коллекции Hermes, Marc Cain, Schumacher и Pamela Roland.

Среди пастельных цветов по популярности, несомненно, будет лидировать нежный «фиолетовый тюльпан» (Violet Tulip). Этот разбавленный оттенок фиолетового очень чувственный и романтичный. Среди его достоинств то, что он прекрасно подходит и блондинкам, и брюнеткам, а также отлично комбинируется с другими пастельными, базовыми и большинством ярких цветов. «Фиолетовый тюльпан» встречается в коллекциях DKNY, J.Crew и Burberry Prorsum. О весеннем небе напоминает еще один модный цвет – безмятежный голубой (Placid Blue). Он удачно подходит и для романтических платьев и блуз, и для летних деловых костюмов. Нежность этого цвета многие дизайнеры подчеркивают тонкими тканями и кружевами. Безмятежный голубой дарит чувство свежести, легкости и уверенности в себе, недаром его так щедро используют Burberry Prorsum, Marc Cain, Guess и Peter Som.

На смену популярным в прошлых годах изумрудному и мятному пришел более светлый припыленный оттенок зеленого, который дизайнеры называли цветом болиголова (Hemlock). Его можно было увидеть на показах Zac Posen, Nicole Miller, DKNY. Стоит попробовать его сочетания с «фиолетовым тюльпаном», фрезией, кайенским и всеми базовыми цветами. Несомненно, яркие и пастельные модные цвета весна-лето 2014 можно комбинировать только между

собой. Но большинство из нас предпочитает разбавлять их базовыми нейтральными оттенками. Такой подход особенно оправдан при покупке вещей, которые планируется носить несколько сезонов подряд: пальто, деловых костюмов, дорогой обуви. Весной и летом 2014 самые популярные базовые цвета отлично сочетаются и с пастельными, и с яркими.

Любительницы серого обязательно должны обратить внимание на новый его оттенок «палома» (Paloma). Это нежный и матовый цвет, который подчеркнет ослепительно синий и прочие яркие оттенки, мягко дополнит пастельные. Так, костюм или строгие брюки цвета «палома» можно дополнить темно-оранжевым джемпером, ярко-синим топом или романтичной блузой цвета болиголова и выглядеть каждый раз неповторимой. Chanel, Alexander Wang и BOSS Woman выбрали «палому» в качестве базового цвета для своих коллекций.

Другой модный базовый цвет для этого лета – песочный (Sand). Пальто, блейзеры и тренчи этого оттенка выглядят благородно и стильно. Особенно красиво сочетается песочный с цветом болиголова, кайенским и «сияющей орхидеей». Оттенок песочного может варьироваться от совсем светлого до плотного, почти горчичного. Летом 2014 базовым в своих линейках песочный сделали Donna Karan, Burberry Prorsum и Blugirl. Естественно, не обходится ни одного летнего сезона без универсального белого цвета. В этом году дизайнеры рекомендуют сочетать белые вещи различных, зачастую противоположных фактур: например кружевной или шифоновый топ с юбкой из грубого вязаного полотна. Еще одна модная комбинация – черно-белые блоки, рисунки или орнаменты. У Ralph Lauren, Michael Kors, Jason Wu и многих других можно было встретить «яркие» примеры сочетания черного и белого цветов. Богатая цветовая палитра этого сезона никого не оставит равнодушной. В ней много как классических, так и новых оттенков. Даже если вам кажется, что оттенок не подойдет к вашему цветотипу, попробуйте использовать его в деталях, мелких вещах или аксессуарах. Почему бы не дополнить классическое черное

или серое пальто ярко-синими перчатками или сумкой? От лица оно будет далеко и на его цвет не повлияют. Не бойтесь экспериментировать, быть яркой и нарядной весной и летом 2014 года!».

6. Прочитайте стихотворения А.Блока «Женщина», Ф.Тютчева «Не говори». Оба стихотворения написаны от лица женщины. Укажите черты женской речи в данных поэтических текстах (попытайтесь охарактеризовать лексические, морфологические и синтаксические особенности).

Александр Блок
«Женщина»

Памяти Августа Стриндберга

Да, я изведала все муки,
Мечтала жадно о конце...
Но нет! Остановились руки,
Живу – с печалью на лице...

Весной по кладбищу бродила
И холмик маленький нашла.
Пусть неизвестная могила
Узнает всё, чем я жила!

Я принесла цветов любимых
К могиле на закате дня...
Но кто-то ходит, ходит мимо
И взглядывает на меня.

И этот взгляд случайно встреть,
Я в нем внимание прочла...
Нет, я одна на целом свете!..
Я отвернулась и прошла.

Или мой вид внушает жалость?
Или понравилась ему
Лица печального усталость?

Иль просто – скучно одному?..

Нет, лучше я глаза закрою:
Он строен, он печален; пусть
Не ляжет между ним и мною
Соединяющая грусть...

Но чувствую: он за плечами
Стоит, он подошел в упор...
Ему я гневными речами
Уже готовлюсь дать отпор, -

И вдруг, с мучительным усилием,
Чуть слышно произносит он:
"О, не пугайтесь. Здесь в могиле
Ребенок мой похоронен".

Я извинилась, выражая
Печаль наклоном головы;
А он, цветы передавая,
Сказал: "Букет забыли вы".

"Цветы я в память встречи с вами
Ребенку вашему отдам..."
Он, холодно пожав плечами,
Сказал: "Они нужнее вам".

Да, я винюсь в своей ошибке,
Но... не прощу до смерти (нет!)
Той снисходительной улыбки,
С которой он смотрел мне вслед!

1914
Федор Тютчев

Не говори! Меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,

Хоть, вижу, нож в его руке дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я –
Но эта жизнь!.. о, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно,
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу!

1851 или 1852

7. Прочитайте стихотворения, написанные от лица мужчин. Авторы текстов – Зинаида Николаевна Гиппиус (была примечательна множественными мужским псевдонимами, которыми она подписывалась под своими публикациями стихов: Антон Крайний, Лев Пущин, Товарищ Герман, Роман Аренский, Антон Кирша, Никита Вечер) и Лариса Рейснер (революционерка, участница гражданской войны в России, журналистка, советская писательница, писала под псевдонимом Лео Ринус). Укажите черты мужской речи в данных поэтических текстах.

Зинаида Гиппиус
ОТРАДА

Мой друг, меня сомненья не тревожат.
Я смерти близость чувствовал давно.
В могиле, там, куда меня положат,
Я знаю, сыро, душно и темно.

Но не в земле – я буду здесь, с тобою,
В дыханьи ветра, в солнечных лучах,
Я буду в море бледною волною
И облачную тенью в небесах.

И будет мне чужда земная сладость

И даже сердцу милая печаль,
Как чужды звездам счастье и радость...
Но мне сознанья моего не жаль,

Покою жду... Душа моя устала...
Зовет к себе меня природа-мать...
И так легко, и тяжесть жизни спала...
О, милый друг, отрадно умирать!
1889

Зинаида Гиппиус
БЕССИЛЬЕ

Смотрю на море жадными очами,
К земле прикованный на берегу...
Стою над пропастью – над небесами, –
И улететь к лазури не могу.

Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог – но не могу молиться,
Хочу любви – и не могу любить.

Я к солнцу, к солнцу руки простираю
И вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю –
И только для нее не знаю слов.
1894

Зинаида Гиппиус
К ПРУДУ

Не осуждай меня, пойми:
Я не хочу тебя обидеть,
Но слишком больно ненавидеть, –
Я не умею жить с людьми.

И знаю, с ними – задохнусь.

Я весь иной, я чуждой веры.
Их ласки жалки, ссоры серы...
Пусти меня! Я их боюсь.

Не знаю сам, куда пойду.
Они везде, их слишком много...
Спусти тропинкою отлогой
К давно затихшему пруду.

Они и тут – но отвернусь,
Следов их наблюдать не стану,
Пускай обман – я рад обману...
Уединенью предаюсь.

Вода прозрачнее стекла
Над ней и в ней кусты рябины.
Вдыхаю запах бледной тины...
Вода немая умерла.

И неподвижен тихий пруд...
Но тишине не доверяю,
И вновь душа трепещет, – знаю,
Они меня и здесь найдут.

И слышу, кто-то шепчет мне:
"Скорей, скорей! Уединенье,
Забвение, освобождение –
Лишь там... внизу... на дне... на дне..."

1895

Лариса Рейснер
Эрмитаж

Сегодня, как вчера, озлобленно-усталый,
Я отдохнуть пришел в безлюдный Эрмитаж.
И день благословил серебряный и талый,
Покрывший пепельной неясностью порталы,
Как матовым стеклом анатолийских ваз.

В упругой грации жеманного Кановы,
В жестокой наготе классических камей
Недвижно-радостны, мучительны и новы
Творящей красоты рельефные основы,
Мечты, почившие в безмолвии камней.

Как правильно дворца нарядные пороги
Лепного потока усиливают гнет!
Не живут однажды скованные боги,
И никогда пожар бичующей тревоги
Любви дарящего полета не вернет.

ТЕМА 7. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на речевое поведение личности и на процессы ее социализации. Придерживаясь такого понимания гендера, можно предположить, что неречевое поведение коммуникантов также пронизано гендерными отношениями и их роли в социуме носят отпечаток определенной культуры и соответствуют гендерным стереотипам, принятым в данном обществе. Тот факт, что стереотипы могут фиксироваться языком или иным семиотическим кодом (зрительными образами, кинесикой), дает возможность говорить, что гендерные стереотипы проявляются и в невербальной коммуникации. На невербальное гендерное поведение значительное влияние оказывают этнос и культура народа. В этом отношении показательными являются, в частности, мужское и женское время и мужской и женский деревенский уклад на Руси.

По данным этнографов и культурологов-славистов, у крестьян в русских деревнях выделялось женское время. Женское считалось, например, частью суток с очень раннего утра до восхода солнца, и назывался этот период времени *до'встань*, *рано*. Крестьянки в это время занимались

прядением, ткачеством, работой по дому и уходом за скотом. Согласно В.И. Далю, на Руси существовал даже особый «бабий» счет времени – пряже'й.

Распорядок дня у мужчин и женщин в деревнях тоже был разным. Утренняя деятельность людей обоего пола – у'повод – длилась с момента пробуждения до обеда (за исключением земледельческой поры и охоты) и протекала во дворе. Старшие мужчины и женщины раздавали задание соответственно более молодым мужчинам и женщинам. Всякому делу предшествовал нача'л – троекратное осенение крестом, молитва, и младшие просили у старших благословения на работу. После завтрака мужчины и женщины работали порознь и позже обедали в один-два стола, и снова по отдельности – сначала ели мужчины, затем женщины. Бывало так, что женщины, но не мужчины, ели стоя. Если же во дворе стояло два стола, то мужчины и женщины могли обедать в одно и то же время, но и тогда они были пространственно разъединены: мужчины ели за передним столом, а женщины – за задним.

Г.Е Крейдлин считает, что необходимо говорить не о мужских и женских жестах, мимике, позах и т. д., а о мужском и женском стилях невербального поведения, которые могут быть свойственны людям обоих полов, хотя считается, что в норме стиль невербального поведения соответствует полу человека. Рассмотрим некоторые особенности невербального поведения мужчин и женщин.

Параязыковое поведение

Большое внимание гендерным исследованиям уделяют в области паралингвистики, где изучается голосовое поведение мужчин и женщин. Можно отметить особые мужские и женские голоса или различные у мужчин и женщин голосовые приемы выражения эмоций. Паралингвистические элементы являются достаточно надежными диагностическими признаками для определения возраста, статуса, пола, физического или психического состояния человека и некоторых других параметров. Помимо различий в физических манифестациях мужских и женских голосов, интерес представляет их концептуализация в разных языках

и культурах. Г.Е. Крейдлин отмечает, что женщины между собой часто говорят «о своем», а потому негромким голосом.

Наблюдение над невербальными компонентами, в производстве которых активно участвует дыхательная система (к этому виду относятся вздох, глубокий (возможно, затрудненный) вдох воздуха, нехарактерное для нормального состояния человека дыхание, разного рода фыркание или громкий выдох, покашливание, заикание, всхлипывание), позволило проследить некоторые различия в ходе коммуникации. Так, подобные невербальные элементы преобладают у коммуникантов-женщин при выражении отрицательных эмоций (Воронина, 1987; Крейдлин, 2005).

Жестовое поведение

Гендерные различия в употреблении эмблематических (имеющих свое лексическое значение и способных передавать смысл независимо от вербального текста) жестов рук, ног и головы особенно заметны. Например, выражая «смушение», русские мужчины чаще потирают рукой подбородок или нос, а женщины потирают щеки или область непосредственно перед шеей. Плохое настроение у женщин выдают сжатые губы с опущенными уголками, отсутствие улыбки.

Типично мужскими являются такие русские позы и жесты, как сидеть, развалясь в кресле; стоять, широко расставив ноги; потирать руки; гладить бороду; потирать челюсть (подбородок); целовать кончики пальцев женщинам. Многие русские бытовые поклоны, особенно их усеченная разновидность кивки, тоже свойственны мужчинам. Согласно существующим правилам этикета мужчина кланяется знакомой или только что представленной женщине; молодой мужчина кланяется человеку более пожилого возраста. Прежде, совершая поклон, мужчины снимали или приподнимали головной убор и держали его в руке. Этот жест был распространен главным образом в Европе у православных. Мусульмане и иудеи, например, голову специально не обнажали. Что касается женщин, то еще в прошлом веке сохранился устойчивый запрет выходить женщине из дому с непокрытой головой. Причем этот запрет

существовал и там, где мужчины обнажали голову, и там, где не обнажали. В истории культуры головной убор вообще наделен особыми символическими свойствами. В частности, отсутствие на голове у мужчин шапки считали признаком социальной неполноценности, а снять шапку означало проявить уважение (Байбурин, Топорков, 1990).

Типичные женские жесты в русской культуре – поправить волосы; чуть наклонить голову; ходить, покачивая бедрами; пощечина; сидеть, сомкнув колени. Существуют специальные предметы и даже основанные на их использовании специальные невербальные женские языки, призванные – в строго определенных ситуациях – служить знаком и средством общения. К таким предметам относится, например, цветок и веер. С помощью цветов осуществлялась коммуникация между адресантом, или дарителем цветов, женщиной, и адресатом, или получательницей цветов, женщиной. В коммуникации, осуществляемой при помощи веера, роли между полами в точности противоположны: адресантом, или носителем веера, была женщина-дама, а адресатом был мужчина-кавалер.

Символика цветов пришла в Западную Европу с Востока, где язык цветов популярен и в наши дни. Например, у арабов ветка гиацинта, подаренная мужчиной женщине, по сей день означает предполагаемое свидание: количество цветков говорит о дне свидания, а число распустившихся бутонов – о его часе. Значимыми в разных культурах могут быть самые разные признаки цветка и их сочетания.

Веер был завезен в Западную Европу из стран Дальнего Востока. Складной веер, считающийся более практичным и удобным в употреблении, был изобретением японской культуры (X – XI вв.). В России веер впервые появился в XVIII в. и почти сразу же стал применяться в коммуникации. Во второй половине XVIII в. веер стал обязательным предметом, который дамы высшего света держали в руках на балах, приемах, во время посещения театров и других торжеств. Умение держать веер и пользоваться им в безмолвном разговоре весьма ценилось в высшем обществе. Положение рук, пальцев и лица при действиях с веером указывали на

настроение женщины, на ее переживания и отношения к другим людям. Об этом можно было судить по тому, как женщина держала веер, как смотрела из-под него, как открывала и закрывала веер, как им помахивала. Например, чуть прикрытый взгляд глаз из-за или из-под открытого веера обозначал интерес или любовь к адресату взгляда, закрывание сложенным веером левого уха означало «не выдавай наш секрет», прикосновение сложенным веером к кончику носа значило «вам нельзя доверять», а медленное закрытие веера в сторону пола – «я презираю вас» (Крейдлин, 2005).

Тактильное поведение

В каждой культуре, прежде всего в социальной коммуникации, для разных видов отношений между партнерами существуют довольно жесткие нормы, регламентирующие, кто, кого, как и когда может трогать. Из наиболее типичных мужских русских тактильных жестов можно назвать рукопожатие, поцеловать руку или жест вежливости подать руку (например, когда мужчина помогает женщине выйти из автобуса). Языковое отображение тактильных жестов может быть при этом богаче невербального, насыщаясь дополнительными смыслами. Так, в предложении *«Но вы! Кто же вы, наш ангел, наше Провиденье?»* - восклицала вдова, покрывая поцелуями руки императрицы (М. Алданов) сочетание *покрывать поцелуями руки* – это выражение не только почтения перед царской особой, но и благодарности за некое оказанное ею благодеяние. В русском дворянском обществе дети обычно благодарили родителей за обед, почтительно целуя им руки.

Ученые выделяют широкий круг компонентов невербального поведения.

Мимическое поведение

При изучении мимических компонентов невербальной коммуникации в гендерном аспекте также наблюдаются некоторые различия. Большинство исследователей обращаются к рассмотрению улыбки и отмечают в целом ее более распространенное использование при лицевой

экспрессии у женщин. Мотивацией использования улыбки в рамках женского типа коммуникации может быть установление взаимодействия с собеседниками, в пределах мужского варианта общения – для выражения положительных эмоций, состояний (счастья, удовлетворения, удовольствия). В соответствии с другими исследованиями функциональная сущность улыбки в женском коммуникативном исполнении отражает счастье, приветствие, умиротворение, одобрение. При этом два последних показателя являются наиболее частотными. В целом, более распространенное использование улыбки женщинами (на основе сопоставления с мужчинами) может быть обусловлено их социальной слабостью и непреодолимым желанием получить одобрение у доминирующего мужского пола, с одной стороны, и подчеркнуть собственную невинность или удачно «замаскировать» социальную несостоятельность – с другой.

Рассматривая невербальные компоненты, исследователи обращаются и к визуальному контакту. Здесь также наблюдаются различные точки зрения. Так, более интенсивная частота визуального контакта может считаться характерной чертой женского типа коммуникации. Отмечается, что коммуниканты женского пола поддерживают более интенсивный визуальный контакт по сравнению с коммуникантами мужского пола. В свою очередь, результаты психологических наблюдений показывают, что слушающий проявляет тенденцию к более продолжительному и интенсивному установлению визуального контакта, чем говорящий. Согласно другой точке зрения гендерные различия, наблюдаемые при исследовании визуального контакта, незначительны. Визуальный контакт в данном случае рассматривается с позиций доминирования человека. Так, у доминирующих или более влиятельных людей контакт глаз одинаков и в процессе высказывания, и в процессе выслушивания. Покорные и подчиняющиеся люди смотрят на собеседника больше в процессе слушания.

В процессе общения взгляд может выполнять целый ряд функций. Взглядом слушающий может выражать внимание,

одобрение или несогласие. Отсутствие взгляда тоже может быть сигналом нежелания поддерживать контакт. Общая закономерность – положительные эмоции сопровождаются увеличением количества взглядов, отрицательные – отказом смотреть на собеседника. Можно заметить, что это поведение находит отражение и в языке, например, выражения: *глаза б мои на тебя не смотрели; она и смотреть на меня не хочет*. При диалогическом общении взгляд выполняет функции синхронизации. При этом говорящий обычно меньше смотрит на партнера, чем слушающий. Частота взгляда соотносима в процессе коммуникации с конкретными условиями общения. Как отмечают психологи, женщины, как правило, используют прямой взгляд гораздо чаще, чем мужчины, – они чаще смотрят на собеседника и дольше не отводят взгляд. Это объясняется, по предположению психологов, традиционной социальной ролью женщины как воспитательницы детей – взгляд используется как средство общения для установления психологического контакта с ребенком, еще не умеющим говорить (Крейдлин, 2005).

Вопросы и задания

1. Что понимается под невербальной коммуникацией?
2. Какие невербальные элементы традиционно считают женскими, а какие – мужскими?
3. Прочитайте фрагменты из художественных текстов. Обратите внимание на характеристику голоса и тона персонажей. Определите, какие свойства проксемики типичны только для мужчин, а какие – для женщин.

Молодой сочный бас – она узнала Мячина – произнес... (В. Пелевин «Желтая стрела»).

Бас у него был редкий по красоте (Д. Гранин «Зубр»).

Простите, Вера Сергеевна, мне, старику, можно это сказать, – проговорил старый штурман отеческим тоном, избегая, однако, глядеть на ослепительно свежее лицо пассажирки (К. Станюкович).

- А теперь ступай подобру-поздорову, да смотри ж не шатайся, прибавил он вполголоса, отеческим тоном, – не то худо будет (Ф. Достоевский «Хозяйка»).

Низкий, сочно-грудной голос показался ему знакомым, и вопросы она задавала точные, не раздражающие... (О. Новикова «Мне страшно, или Третий роман»).

У нее был глубокий грудной голос, переплетенный тугой ниточкой насмешки, и, может быть, если бы не удлинённый нежный овал лица <....> она могла бы показаться не по-женски чересчур резковатой (Ю. Бондарев «Берег»).

Иногда я закрываю глаза и слышу ее нежный грудной голос (Ю. Казаков «Голубое и зеленое»).

Среди моря рук, среди моря голосов поднялась исхудалая, длинная и сожженная солнцем и работой, горем, костлявая бабья рука, и замученный бабий голос заметался (А. Серафимович «Железный поток»).

Высоко метнулся истерический бабий голос, но кричала не баба, а маленький солдатик с птичьим носом, голый до пояса, в огромных, не по нем сапогах (А. Серафимович «Железный поток»).

– Вторая полурота, прямо! – услышал Ромашов высокий бабий голос Арчаковского. И другая линия штыков, уходя, заколебалась (А.И. Куприн «Поединок»).

4. Прочитайте текстовые фрагменты. Обратите внимание на невербальные характеристики персонажей, дайте анализ жестам с точки зрения гендерных предпочтений.

А тот нахал, вообразите, развалился в кресле и говорит, улыбаясь: А я, говорит, с вами по дельцу пришел потолковать (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Иван Дмитриевич с нарочитой сановной вальяжностью растегнул пиджак, нахально скинул пальто-дульет на кровать и развалился в кресле (Л. Юзефович «Костюм Арлекина»).

- М-да, – Семашко выразительно почесал затылок. – Разбойника с большой дороги рекомендуете? (Д. Гранин «Зубр»).

– А ну перестань! – оборвал ее Нейман и стукнул кулаком по столу. – Дай сюда эту гадость. – Он вырвал пакет и отбросил его на тахту (Ю. Домбровский «Факультет ненужных вещей»).

Она посидела еще, маятно откидываясь назад и оборачиваясь к окну, возле которого ночью высмотрела глаза до синяков под ними, и вдруг стукнула кулаком по столу, крикнула в никуда (В. Распутин «Дочь Ивана, мать Ивана»).

Мужчина в польском кунтуше низко кланяется принцессе, помогает ей сойти с коня. И, встав на колени, целует руку (Э. Радзинский «Княжна Тараканова»).

О многотрудной работе над книгой, в которой ему, утомленному путешественнику, помогает молодая поклонница, с которой он на «вы», у которой старомодно целует руку (А. Проханов «Господин Гексоген»).

Сегодня какое-то красненькое настроение. – Он засмеялся, погладил бороду (В. Шукшин «Гена проидисвет»).

Гордей Лукич молча оглядел барскую одежду Леньки и довольно погладил бороду (В. Осеева «Динка»).

Снял шляпу, слегка – с достоинством – поклонился честной компании (В. Шукшин «Печки-лавочки»).

Я остановился и снял шляпу перед ним, чтобы он почувствовал, что мы на равных, что я в нем вижу равного себе человека, а не нищего... (митрополит Антоний «О жизни Христианской»).

Перед домом рабочие, невесело посмеиваясь, достраивали деревню. Василий Васильевич вежливо снял шляпу: – Позвольте узнать, это что за потемкинские деревни? (И. Грекова «Первый налет»).

Вода в радиаторе тихо переливалась. Дрожащими руками Надя поправила волосы. Он дрожащими руками закурил (А. Солженицын «В круге первом»).

– Ах да! – она поправила волосы, глядя в витрину. – Ты подал на развод? (В. Аксенов «Пора, мой друг, пора»).

Вынула из волос приколку, прихватила ее губами, поправила волосы (В. Шукшин «Ленька»).

– Дай-то бог, – вздохнула хозяйка и, подойдя к зеркалу, поправила волосы (Я видел, как бессознательным движением она поправила волосы, мешавшие ей читать, и как встала со скамейки как будто для того, чтобы разобрать трудное слово) (В. Каверин «Два капитана»).

По привычке Аксинья заглянула в зеркало, и хоть в темноте и не видела своего отражения, все же поправила волосы, разгладила на груди сборки муслиновой кофточки, потом прошла к окну и устало опустилась на лавку (М. Шолохов «Тихий Дон»).

Володя снял каску, поправил волосы, расстегнул обвязку, повесил ее на стул, сел (Ю. Визбор «Альтернатива вершины»).

Потом он снял свой черный, сшитый еще в Париже мундир, с черепом и костями на рукаве, с дубовыми листьями на воротнике, с одним мягким погоном на плече, и, оставшись в тонком пушистом свитере, поправил волосы (Ю. Герман «Дорогой мой человек»).

Перед самым представлением «Мелисерты» разъяренная до предельной степени не то развязным поведением Барона, не то тем обстоятельством, что она в «Мелисерте» отходила на второй план, получив небольшую роль пастушки Эроксены, Арманда дала пощечину Барону (М. Булгаков «Жизнь господина де Мольера»).

Он не договорил, жена вскочила с бешенством, быстро подбежала к нему, дала пощечину и, спокойно севши, сказала (В. Нарезный «Российский жилбраз, или похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова»).

Ученик восьмого класса Шарыгин дал пощечину своему товарищу Аврамову и чувствовал себя правым и оттого радостным и гордым (Л. Андреев «Молодежь»).

Все же я первый дал пощечину: моя инициатива; а по законам чести – это все; он уже заклеямен и никакими побоями уж не смоем с себя пощечины, кроме как дуэлью (Ф. Достоевский «Записки из подполья»).

Но когда, расставив широко ноги, он лил из тяжелого чайника кипяток, и пар, клубясь, обжигал ему пальцы, он уже думал о бегстве (Б. Савинков «В тюрьме»).

Я любовался этим Савоськой, который, расставив широко ноги на своей скамеечке, теперь служил олицетворением движения (Д. Мамин-Сибиряк «Бойцы»).

Безрылов сидел на лавке, расставив широко ноги и пощелкивая пальцем одной руки по другой (В. Короленко «Убивец»).

Он дружески хлопнул Димку по плечу, пожал руку Гале и зашагал,, шикарней и бодрей (В. Аксенов «Звездный билет»).

– А, здорово! – сказал Бова и размашисто пожал руку Даренскому. – Хорошо, а? – и он показал стены (В. Гроссман «Жизнь и судьба»).

- Вставай, Дмитрий Анатольевич, - дружелюбно хлопнул по плечу Кореньков (М. Веллер «Хочу в Париж»).

Он дружественно хлопнул по плечу черемиса, который в ответ молча улыбнулся ему широко, радостно и фамильярно (А. Куприн «Поединок»).

5. Прочитайте стихотворение Афанасия Фета. С помощью каких невербальных средств девушка передает сообщение любимому? Что такое «апельсинные цветы» и что они означают? Определите символику цветов по данному тексту.

Хоть нельзя говорить, хоть и взор мой поник, -

У дыханья цветов есть понятный язык:

Если ночь унесла много грез, много слез,

Окружусь я тогда горькой сладостью роз!

Если тихо у нас и не веет грозой,

Я безмолвно о том намекну резедой;

Если нежно ко мне приласкалась мать,

Я с утра уже буду фиалкой дышать;

Если ж скажет отец: «Не грусти, я готов», –

С благовоньем войду апельсинных цветов.

ТЕМА 8. ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Гендерная проблематика в творчестве Н.В. Гоголя

Методологической и теоретической базой гендерных исследований служит понимание способности художественного мира к саморазвитию – *самодвижению* (развитие и обновление из внутренних источников явления, рассматриваемого как *causa sui*). В качестве возможного источника самодвижения в литературоведении рассматривается так называемый *концепт*, понимаемый, в частности, как «глубинный смысл, изначально максимально и абсолютно свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста».

В качестве концепта – «порождающего мотива» – в гендерных исследованиях служит мотив отношений мужского и женского начал (в их культурно-семантических и литературно-художественных проекциях). Реализуясь в пределах всего творчества Гоголя, такой мотив порождает разветвленную систему тематико-семантических связей, которые определяются в работе через понятие «гендерная проблематика». Именно она, благодаря своей внутренней противоречивости, незавершенности, постоянному обновлению, формирует в творчестве Гоголя некий «гендерный интертекст».

Гендерная проблематика в творчестве Н.В. Гоголя изучена пока весьма фрагментарно и в специфических ракурсах. Устойчивый интерес к ней возник в начале XX в. А. Белый в книге «Мастерство Гоголя» констатирует предельную контрастность женских образов («сквозная красавица» и «ведьма-труп») в раннем творчестве писателя и намечает две основные причины такого видения женщины. Одна причина общекультурного плана: включение женских персонажей в «вертикаль»: от рая до ада. Другая причина – противоречивое чувство самого Гоголя к женщине: он видел в ней либо небесное явление, либо дуру.

Перекликаются с идеями А. Белого наблюдения Д.С. Мережковского, нашедшие отражение в исследовании «Гоголь и черт». Он констатирует в женских образах Гоголя парадоксальное сочетание одухотворенности и отрешенности от земного, сходное с христианской духовностью, а также языческого, выражающегося, в частности, в их чувственности. Одной из форм соединения этих начал, как считает Д.С. Мережковский, становится образ прозрачной белизны женского тела, подобного телам древних богов, плоть которых была мистически реальной и одухотворенной.

В том же ряду, но с другим акцентом стоят и догадки В.В. Розанова о связи женских персонажей и смерти в творениях великого писателя (имеются в виду многочисленные образы прекрасных покойниц). В этом он усматривает «половую загадку Гоголя», недвусмысленно намекая на признаки некрофилии. Его подход получил в дальнейшем довольно активное развитие в психоаналитических исследованиях, посвященных Гоголю (С. Эйзенштейн, И.Д. Ермаков и др.). Они имеют к литературоведческой проблематике косвенное отношение, поскольку рассматривают произведения писателя, созданные им образы как материал для выявления различных психических и сексуальных комплексов у гения русской литературы.

Масштабную догадку о «женском интертексте» в творчестве Гоголя высказал В.А. Подорога. На эту идею его выводят размышления фрейдистского толка о сублимации комплекса возврата в материнскую утробу у Гоголя (мысль была высказана еще С. Эйзенштейном), что якобы породило особую «складчатость» гоголевской поэтики, в частности его речевых структур. В традициях фрейдистского направления эти идеи переносятся на отношения персонажей гоголевских произведений (и на фигуру самого писателя). Так объясняются особого типа страхи и комплексы персонажей-мужчин по отношению к некоему женскому началу. Как считает исследователь, этот тип отношений и образует особое межтекстовое единство таких произведений, как «Женитьба», «Вий», «Мертвые души», «Ревизор» и др.

Тенденцию включения женского и мужского в произведениях Н.В. Гоголя в культурно-религиозные контексты продолжил ученый-филолог С.А. Гончаров. Он связывает обнаруженную трансформацию мужского и женского в «Вечерах...», в очерке «Женщина» с мистической темой андрогина в мировой культуре. В результате приходит к выводам, что «все трансформации женско-мужского (в том числе травестийно-инфернальные) в «Вечерах...» связаны, в конечном счете, с мистическим аспектом половой дифференциации, с которой, в свою очередь, связано представление о бисексуальной природе абсолюта, божественного первоначала и Первочеловека».

Приведенный краткий обзор свидетельствует о несомненном присутствии гендерной проблематики в творчестве Гоголя.

В ранних произведениях (очерк «Женщина», поэма «Ганц Кюхельгартен», цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки») преобладало освоение культурно-художественных и собственно литературных традиций. Их комбинирование (случайное ассоциативное взаимодействие смысловых «шлейфов») приводило к появлению довольно оригинальных оттенков мужского и женского (на основе серии инсайтов). Именно эти грани и оттенки становятся основой для того этапа творчества, когда гендерная проблематика стала формировать проблемно-тематический план произведений, определила динамику их важнейших смысловых образований («Женитьба», «Миргород»). На этом этапе образы мужского и женского, представления Гоголя об их отношениях обрели наиболее оригинальные черты, сформировали художественно-философское концептуальное ядро его творчества.

Уже в этом раннем произведении в основу формирования художественно-смысловых аспектов был положен принцип свободной комбинаторики мотивов, образов, сюжетов, деталей, символов, сопряженных с образами мужского и женского гендера. Условием для подобной комбинаторики исходно стали два жанра, признаки которых легко обнаруживаются в «Ганце Кюхельгартене»:

романтическая поэма и идиллия. Именно в этих двух жанровых «горизонтах» и развивается линия любовных отношений и переживаний двух молодых людей, Ганца и Луизы. Таким образом, эта тема изначально предполагала некий возможный «синтез», взаимодействие (или «отталкивание») ее романтической и идиллической трактовок. Основополагающим для такой комбинаторной «игры» стал принцип зеркальных отражений (восходящий, очевидно, к приему метаморфоз).

Во-первых, в «Ганце Кюхельгартене» наметился мотив женской ипостаси мужской души. Ее двойственно-единый образ как бы распался на два воплощения (Аспазия и Пери), что сообщило романтическому мотиву погони за мечтой внутреннюю конфликтность и драматизм.

Сходной проработке подвергся и персонаж-мужчина, и женские персонажи. В них не только проявились некие мужские черты (мечтательность, например, свойственная поначалу Ганцу), но и обнаружилось скрытое мужское начало (образ мертвеца из видения Луизы).

Приближение к тайнам мужчины и женщины активизировало мотив скитания (путешествия). Для мужчины это стало скитанием по миру («горизонтальный» вариант развития), а у женского персонажа – постепенным погружением в глубины ее сокровенного «я». Развитие данных сюжетных ходов породило оттенки глубинного схождения мужчины и женщины (переосмысленный романтический мотив двойничества).

«Зеркальное» движение основных сюжетных линий поэмы сопровождалось появлением образов-символов с двойной соотнесенностью. Образы окна, пения, пристального взгляда оказались способны выразить оттенки и грани мужских и женских начал в персонажах. Все эти образы найдут свое дальнейшее художественное развитие в произведениях Гоголя («Женитьба», «Вий», «Старосветские помещики», «Страшная месть» и др.).

В «Ганце Кюхельгартене» также осуществлена художественная рефлексия авторской позиции (до очерка «Женщина»). Сделано это благодаря уподоблениям

рассказчика другим персонажам (как поющий Ганц, как созерцающая видения Луиза, как дух великого Гете, воспевающего Германию, и т.п.).

Таким образом, раннее творчество Гоголя, основанное на принципе случайной комбинаторики гендерно-окрашенных культурных, литературных, фольклорных контекстов, позволило ему сформировать своеобразную «россыпь» мотивов, образов, деталей, получивших дальнейшую разработку в его произведениях.

В очерке «Женщина» определился один из центральных мотивов всего творчества Гоголя – мотив женской ипостаси мужской души. Ее воплощением стал символический образ Алкиной, в котором соединились черты божества и земной женщины. Такая двойственная сущность определяет не только двойственное отношение к ней не только персонажей-мужчин (Платон, Телеклес), но и эстетические принципы творчества и восприятия в гоголевском представлении (переходы внутренних форм в материально-вещественные). В результате гендерные мотивы очерка позволили начинающему писателю наметить (пережить в образно-интуитивной форме) их культурно-интегративные потенции, поскольку очерк создавался на пересечении философско-риторической и мифологической традиций античности, эстетических идей (Кант, Шеллинг и др.), художественных влияний романтизма и отчасти классицизма, религиозно-мистических представлений о божественной природе духовной и телесной красоты, их сопряженности с божеством и адскими силами. Так в художественно-эстетическом опыте Гоголь прочувствовал почти безграничные «культурные горизонты» гендерной проблематики, что могло стать условием для формирования ее художественного потенциала в творчестве писателя.

Не менее важным для начинающего литератора стало художественно-образное рефлексирование собственной авторской позиции, ее возможностей в процессе воплощения гендерной проблематики. Женское «обличье» мужской души, его влекущая и возвышенная тайна переживались Гоголем как некий путь к божественным загадкам мироустройства, к

немыслимому сопряжению божественного и дьявольского в человеческой душе. Женское в мужском активизировало позиции мыслителя и писателя одновременно, обещало стать и источником вдохновения, и основанием великой мудрости, сродни Платоновой. Не случайно одним из оттенков символического образа Алкиной стало образное воплощение экстатических состояний души автора, ее специфической явленности в образной ткани произведения.

Для молодого писателя этот аспект был чрезвычайно важен, поскольку был связан с неким самоопределением его авторского «я», способного, как оказалось, вместить позиции мудреца и художника, ученого и пылко влюбленного в творчество, рассуждающего и интуитивно прозревающего тайны красоты, тайны чужой и собственной души. Любопытно, что, сформировав множество случайно возникших «зародышей» гендерной проблематики, Гоголь создал основу для дальнейшего действия «комбинаторного принципа» в своем творчестве. Наметившиеся мотивы, образы, детали, их смысловые оттенки могли вступать в случайные взаимодействия, свободно «перетасовываться», создавая тем самым постоянные условия для спонтанного порождения все новых и новых граней гендерной проблематики. Эти грани, благодаря своей генетической связи с ранними произведениями, продолжали сохранять в творчестве писателя двойную соотнесенность: с фольклорными, собственно литературными и иными контекстами культуры, но и с исканием оригинальных авторских оттенков. Взаимодействие-отталкивание этих двух начал, по-видимому, и стало еще одним постоянным источником самодвижения гендерной проблематики в творчестве Гоголя.

Изучение раннего цикла повестей позволило обнаружить один из источников спонтанного порождения гендерных мотивов, оттенков образов, символов, сюжетных линий. Этим источником стали взаимодействия фольклорной стихии и собственно литературных традиций. Они вовлекли в зоны своих «пересечений» широкие культурные контексты: мифологические, мистические, бытовые, природные,

философские. На основе их взаимодействия Гоголь пытается обнаружить некий единый культурно-художественный и смысловой потенциал: своеобразные «экзистенциалы» в отношениях мужчин и женщин, «вечные» условия их соединения и разъединения.

В «Сорочинской ярмарке» – это карнавал случайностей (непреднамеренных и отчасти подстроенных), что ведет к воссоединению мужчины и женщины через молодое чувство, брак, обеспечивает в этом помощь разных сил. В «Вечере накануне Ивана Купалы» мужское и женское сближаются через мотив вины, имеющий разные мистические и бытовые проявления. В «Майской ночи» путь к воссоединению влюбленных сопряжен с погружением мужчины в глубины женской души, с сочувствием ей и помощью в изгнании темного начала. В «Пропавшей грамоте» мужчина и женщина сближены через игру воображения, похожую на фантасмагорическое театральное представление.

Вторая часть цикла видится как попытка Гоголя использовать найденные им «экзистенциалы» гендерного плана в собственно авторских целях. Он делает их основой для специфического варьирования, «расцвечивания» новыми смыслами, в которых проявляется уже собственно авторская воля, «отпущенная на волю» игра воображения писателя.

В результате «Ночь перед Рождеством» обнаруживает развитие карнавального начала, намеченного в «Сорочинской ярмарке». Благодаря имитации спонтанной игры случайностей жизни Гоголь получает возможность сформировать у ряда деталей, персонажей, сюжетных линий, мотивов весьма оригинальные оттенки. Это собственно авторские находки, которые «рассыпаны» в повести и предвещают ряд новых смысловых оттенков в будущих произведениях писателя (смех Оксаны, образ мужских даров, свинья с похищенной шапкой, полет кузнеца на черте и т.п.).

В «Страшной мести» подобные авторские мотивы, образы возникают там, где пересекаются любовно-семейная и мистическая линии повествования. В таких «точках» рождаются смысловые «ядра» повестей «Портрет» (образ колдуна), «Тарас Бульба» (бой с тестем, золотой пояс – дар

жены), «Вий» (безумная пляска Катерины, мертвец в окружении своих потомков) и др.

Столкновение бытовых норм жизни и индивидуально-личностных особенностей персонажей порождают в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» ряд метаморфоз женского и мужского, столь характерных для гоголевских произведений более позднего этапа творчества. Образ тетушки имеет явные признаки мужского начала, которые она пытается «вместить» в робкого племянника, побуждая его жениться (мотив женских даров, роль женщины в ссоре Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, скрытое манипулирование мужем со стороны Пульхерии Ивановны, мотив женитьбы Подколесина, матримониальные намерения Чичикова и т.п.).

В заключительной повести «Заколдованное место» театральнo-фантазмагорическая стихия разрушена грубым женским вмешательством, возвращающим героя к реальности. Так переосмыслена центральная тема и конструктивный принцип «Пропавшей грамоты», что вызывает ассоциацию с образом Хомя, разрушившим колдовские наваждения скачущей на нем ведьмы.

В результате наслоение «смысловых разрастаний» вокруг нескольких ключевых мотивов стало устойчивым источником для целой серии инсайтов у автора пьесы. Возникающие на этой основе новые мотивы затем формировали смысловые связи целых сцен (беседа Агафьи Тихоновны и Подколесина о катаниях, цветах и гуляниях, например, а также ситуация оплевывания).

Так, Гоголю удалось не только значительно раздвинуть границы художественных образов гендера. Результатом его усилий становится формирование смысловых рядов, обладающих особой новизной значений. Один из самых интересных и продуктивных в плане смыслообразования возник вследствие случайного упоминания Кочкаревым дьявола. У центральных персонажей пьесы сформировались библейские ассоциации (Адам, Ева, змей, яблоко). Завершилась пьеса появлением ярких и открытых в смысловом плане образов и мотивов распахнутого окна,

бегства мужчины (с глубокой и скрытой мотивацией), голоса женщины, ассоциациями с мифом об изгнании из Эдема.

Использование Гоголем случайно-вероятностных разрастаний смысловых связей в пьесе было осмыслено через понятие «ризома», «ризомная целостность» (Ж. Делез, Ф. Гваттари). Термин, явно содержащий образный потенциал (переводится как «корневище»), обозначает некие разрастания связей хаотического типа, «прорастающие» из не совсем четко выраженного центра, способного смещаться (любая из «точек» может стать таким центром). Представляется, что такого типа связи, отрефлексированные эстетическим и культурологическим сознанием в постмодернистскую эпоху, могли *de facto* существовать и ранее в культуре. Необходимо напомнить об исследованиях, в которых констатируются хаотические связи в произведениях писателя (В. Набоков, С. Фуссо, В. Подорога, И. Ермаков).

Создание финала «Женитьбы» позволило Гоголю почувствовать, что он нашел свежие и неповторимые грани гендерной проблематики. Его интуиция подсказывала, очевидно, что найденные мотивы, символические оттенки деталей, сюжетные линии позволят создать достаточно большое по форме и глубокое по содержанию произведение.

Анализ цикла «Миргород» позволил выявить специфический «сквозной смысл», рождающийся на основе мотива женских даров и мотива их отвержения мужчиной, его свободолобивым или слишком грубым духом. Выяснилось, что сформировался такой смысл как развитие художественных находок «Женитьбы». Не только «Старосветские помещики» оказались построены на развитии образов и мотивов окна (лаз, шутки Афанасия Ивановича), бегства (кошечка, смерть Пульхерии Ивановны), голоса-зова (из загробного мира). Эти ключевые образы и мотивы обнаружили значительный циклообразующий потенциал, определив во всем «Миргороде» многочисленные трансформации гендерной проблематики. Они проявили свое смыслообразующее присутствие и в «Тарасе Бульбе», и в «Вие», претерпели непредсказуемые метаморфозы в

«Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Они же повлияли на формирование символических оттенков образа церкви и дороги.

Погружая эти устойчиво возобновляющиеся образы и мотивы во все новый тематический материал, Гоголь вновь использовал принцип случайной комбинаторики: некоей творческой игры с образными и мотивными «заготовками». В результате «кочующие» из повести в повесть мотивы, сюжетные элементы становились почти неузнаваемыми, многократно варьировались, но позволяли в то же время формировать многочисленные ассоциативные «сцепления», образуя глубинные смыслы всего цикла. В результате «Миргород» стал художественным размышлением о попытках отвергнутого и покинутого женского начала (Ева) вернуть и подчинить себе мужской дух свободолюбия (Адам как сбежавший Подколесин).

Выполняя циклообразующие функции, сквозные мотивы не утратили своих продуктивно-творческих свойств. Их свободное комбинирование, спонтанные сращения со все новым тематико-образным материалом повестей создали условия для возникновения целого ряда образов, смысловых оттенков, символов, мотивов чрезвычайно оригинального свойства. Это был тот самый слой смыслов, что уже безусловно и безраздельно принадлежал авторству Гоголя, раскрывал его неповторимое видение сложнейших отношений мужского и женского, целую бездну их мистических схождений, бытового сосуществования, непрерывной и тайной «войны», стремлений к воссоединению.

В результате в цикле «Миргород» сформировались уникально-гоголевские значения образов и мотивов полета, седлания, пристального взглядывания, угощения, скитания, женских даров, церкви, войны, сброшенной маски, Вия, леса, дороги. Все они образовали сложнейший и богатейший художественный потенциал гендерной проблематики, позволив Гоголю создать уникальную художественно-философскую концепцию гендеров и построить на ее непрерывной динамике целый цикл повестей.

Произведения Гоголя, увидевшие свет после «Миргорода», оказались связанными с этим циклом динамикой потенциального смыслодвижения. И в так называемых «петербургских повестях», и в комедии «Ревизор», и в первом томе «Мертвых душ» удалось обнаружить множество ассоциаций с предшествующими творениями писателя. Все эти ассоциации так или иначе имеют отношение к гендерной проблематике и свидетельствуют о ее скрытом развитии в последующем (после «Женитьбы» и «Миргорода») творчестве. Такого плана проблематика продолжала оказывать существенное воздействие не только на динамику смыслов, но и на связи целостности.

Так, потенциальные смыслы повестей, написанных в 1835 – 1842 гг., самым существенным образом влияли на процессы циклообразования. Удалось выяснить, что все повести, включенные Гоголем в собрание сочинений, объединены мотивом скитания мужской ипостаси души. Обнаружение данного пласта позволяет предположить, что цикл повестей задумывался и создавался как некое продолжение «Миргорода». Такое продолжение было обусловлено трансформацией (зеркальной) потенциального сюжета о скитании женского начала души мужчины из повести «Вий». Не случайно именно с мотива полета-преследования начинается повесть «Невский проспект». В новом цикле по «мукам жизни» отправляется собственно мужская часть души. В результате каждая следующая повесть цикла – история о новом испытании, размышление Гоголя о тех ценностях и смыслах, что способна обрести мужская грань души в отсутствии женской.

Так, в «Невском проспекте» женская ипостась сама отвергает возможность возвращения (в роли жены или любовницы). Поэтому уже в следующей повести «Нос» обделенная душа мужчины устремляется в погоню за мелкими радостями жизни, удовлетворяет свое честолюбие и чиновничьи амбиции. В повести «Портрет» у одинокой части души появляется мистическое «измерение»: она, как когда-то ее женская ипостась («Вий»), обретает связь с демонической

силой. Обманчивый дар в виде червонцев и иллюзии творчества подменяет женские дары, оказывает разрушающее влияние на попавших в ловушку бывшего ростовщика. Повести «Шинель», «Коляска» содержат скрытый рассказ о том, что способна обрести мужская грань души сама по себе, без пособничества дьявольских сил, без участия женского начала. Башмачкин и Чертокуцкий обретают лишь символические иллюзии своих ничтожных жизненных притязаний. А когда лишаются их (в силу стечения обстоятельств), обнаруживают еще одно скрытое начало мужской души: мстительную жестокость (призрак Акакия Акакиевича) и старческо-детскую незащищенность, уязвимость (обнаруженный в коляске Чертокуцкий). В «Записках сумасшедшего» эти два начала объединяются, разрушая мужскую душу изнутри, отвращая ее от жизни. И тогда мужчина вновь вспоминает о спасительно-женском любящем начале (мать), устремляется в некий полет-поиск (трансформированный мотив полета Хомя).

Мотивы скитания и полета формируют в отрывке «Рим» тему самосовершенствования персонажа-мужчины. В таком самосовершенствовании Гоголь видит один из путей, позволяющий мужчине стать достойным тех ценностей, что связаны с женским началом. Итогом такого самосовершенствования, как показывает писатель, может стать открытие и приятие в себе своей женской ипостаси, ее гармоническое воссоединение с мужской (символ Рима в финале цикла).

Основные события в комедии «Ревизор» связаны с развитием мотива маски значительного лица, под которой скрыто лицо незначительное (Хлестаков). Такое подобие маски формируется на «перекрестье» мужских и женских представлений о госте из Петербурга (чиновники, Анна Андреевна и Марья Антоновна). Хлестаков становится своеобразным «кривым зеркалом» их искаженных представлений о столице и важных чиновниках. Совокупность таких источников маски позволяет Гоголю развить две ее составляющие: усложнить и гипертрофировать образ чина, а также усилить эффект мужского обаяния. Эти две грани

маски значительного лица предельно разрастаются к началу пятого действия, а затем полностью разрушаются (в письме другу Тряпичкину). Так гендерные мотивировки оказываются исподволь вовлечены в формирование и развитие конфликтов комедии, существенно влияя на драматургическую динамику ее смыслов.

Не менее любопытный вариант мотива скитания мужской души представлен в «Мертвых душах». Первый том поэмы, как выяснилось в процессе анализа, также органически связан с циклом «Миргород». На такую связь указывал не только образ дороги, как бы выходящей из малороссийского городка в мир большой, но и отчетливые ассоциации Чичикова с Иваном Ивановичем из последней повести цикла.

Став основой мотива путешествия, эта ассоциация постепенно обросла целым рядом сопутствующих. Их динамическая совокупность сформировала в «Мертвых душах» почти непрерывное развитие слоя потенциальных смыслов. Этот слой был основан на гендерной проблематике, которая «притянула» множество образов и мотивов из самых разных произведений Гоголя, позволив им скрыто участвовать в процессах смыслообразования первого тома поэмы.

Возникая и исчезая (сменяя друг друга) по принципу случайности, такого рода ассоциативные «поля» все же подчинялись определенной художественной «логике», указывающей на скрытый замысел Гоголя. В основе такого замысла – история о выменивании мужчиной женских даров на иллюзорные ценности, такие как честолюбие, удовлетворение мелких амбиций, общественный статус (признаки значительного лица). Расплачиваясь за все это возможностью иметь семью, детей, сохранять чувство собственного достоинства, жить в достатке и покое (ценности мужчины из цикла повестей 1835 – 1842 гг.), главный герой не просто нищает духом (уподоблен Плюшкину). Он пускает в свою душу сотни грехов, символом которых становятся мертвые души, превращается в подобие их предводителя (Наполеон-антихрист).

Эту «маску» (со множеством иных ее черт), созданную самим персонажем, мужской и женской «партиями» города N, пытается снять автор-повествователь (жизнеописание героя в 11-й главе). В результате его усилий символическим воплощением двойственной сути Чичикова становятся образы Кифы Мокиевича и Мокия Кифовича, ассоциированные с Хомой и Виём. Сквозь эту «вставную новеллу» угадывается мысль Гоголя, что примирение противоположных сторон души становится возможным через любовь (подобную отцовской) и способность непрерывно меняться (эта способность сродни игре лица русалки и самосовершенствованию молодого князя из отрывка «Рим»).

Эти два мотива «фокусируются» символическим образом Руси-тройки. В основе данного символа лежат ассоциации с эпизодом из «Вия», когда Хома, оседланный ведьмой, созерцает их общую женскую сущность в образе русалки. Данный смысловой оттенок эпизода из «Вия» преобразен в финале первого тома. Полет Руси-тройки становится еще (наряду со множеством других смыслов) и воплощением приятия, слияния героя со своей женской сутью (способность любить и принимать свою греховную сущность, как отец – дитя).

Прослеженная динамика потенциальных сквозных смыслов в цикле повестей 1835–1842 гг. и в первом томе «Мертвых душ» позволила сделать вывод, что завершение цикла «Миргород» стало своеобразной «точкой», породившей два направления дальнейшего самодвижения гендерной проблематики. Оба направления были основаны на развитии мотива скитания мужской души. В цикле повестей такого рода «испытание оставленностью» привело Гоголя к мысли, что главным препятствием на пути к обретению женской ипостаси является несовершенство мужской грани души, ее «незначительность».

В «Мертвых душах» мотив скитания развивался в некоем «зеркальном отображении». Мужчина, растерявший все женские дары, должен погрузиться в бездну грехов и низостей жизни, вобрать их в себя (как женскую ипостась души в повести «Вий»). А вместив их, принять, простить и

даже полюбить в себе это «греховное» начало отцовской любовью (через ассоциацию с образом Тараса Бульбы).

Функции «гендерных ассоциаций» стали иными в произведениях зрелого Гоголя. В отличие от «Миргорода», где они сформировали циклическое единство, его «сверхсмыслы», в повестях 1835 – 1842 гг. и в «Мертвых душах» эти ассоциации составили второй и третий план смыслодвижения, преобразовались в особый «подтекст».

Вступая во взаимодействие с новыми персонажами и мотивами, такими как значительное лицо, маленький человек, ценности мужского существования, самосовершенствование, истоки и условия творчества, гендерные мотивы, ассоциативные комплексы вновь образовывали с ними весьма оригинальные и непредсказуемые комбинации. Так, у Башмачкина или Ковалева вдруг обнаруживалось сходство с Хомой; у Пирогова – с псарем Микитой; у итальянского князя – со скитающимся по миру Ганцем Кюхельгартенем, а у Пискарева – с Андрием. И вновь такая комбинаторика – взаимодействие столь различных смыслов и мотивов – становилась постоянным источником смыслопорождения: возникали новые черты персонажей, спонтанно формировались непредсказуемые сюжетные повороты, вдруг рождался символический оттенок у самой, казалось бы, привычной и будничной детали (шинель – жена, шпоры, заказанные Пироговым как бы для «понукания» женщины), житейской ситуации (сватовство Шпоньки, преследование женщины на Невском, хвостовство дорогой коляской).

Эти ассоциативные потоки остаются для Гоголя чрезвычайно важными, поскольку писатель использует их смыслообразующие возможности, относится к ним как к неиссякаемому источнику смысло- и формообразования. Сама ассоциация в этом случае становится своеобразным «маркером», позволяющим автору вспомнить (опознать) ее организующие потенции, принцип выстраивания смысловых связей.

Став постоянным и весьма продуктивным источником смыслопорождения, гендерные образы и мотивы

сформировали в творчестве Гоголя весьма масштабный интертекст. Именно он обеспечивал условия для постоянной «комбинаторной игры» с художественно-конструктивными потенциями гендерных ассоциаций, позволяя автору использовать все ранее созданное им для каждого следующего этапа творчества. В результате художественно-смысловой потенциал его произведений получал постоянный стимул для самодвижения и спонтанного обновления.

Благодаря активизации конструктивно-комбинаторных усилий к финалу произведений, почти все они оказались нарочито разомкнутыми, лишь относительно завершенными, тяготеющими к межтекстовым сращениям («Женитьба», «Миргород», «Рим», «Мертвые души»). Это позволило высказать предположение, что все творчество Гоголя, пронизанное гендерной проблематикой, можно рассматривать как некое целостно-динамичное образование, выстроенное не только на развитии и варьировании гендерных тем и мотивов, но и на спонтанной комбинаторике двух типов связей – ризомных и континуально-целостных. Именно их сочетание позволило Гоголю создать из своих произведений что-то вроде масштабного «романа в эскизах», «свободного романа» (в духе Пушкина) о бесконечных метаморфозах мужского и женского, о том, что сближает их и препятствует соединению в человеческой душе (Синцова, 2010).

Одним из важных обстоятельств, повлиявших на мировосприятие Гоголя-художника, было его семейное положение: он рос в преобладающем женском окружении: отец его умер рано, и Гоголь общался с матерью и сестрами. Будучи учеником Нежинской гимназии, Гоголь устраивал в своем имении представления и часто сам исполнял женские роли. Если в художественном произведении за автором может скрываться какое-то третье лицо, то в публицистических сочинениях оно практически отсутствует, и автор высказывает свою точку зрения на существо обсуждаемого предмета.

Наряду с публичным обсуждением острых социальных вопросов Гоголь в последние годы жизни не уходил от

высказываний о существовании женщины. Так, доминирующая роль женщин в жизни мужчины особым образом прописана Н.В. Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Во втором письме он указывает на роль женщины в свете: «...большая часть взяток, несправедливостей по службе и тому подобного, в чем обвиняют наших чиновников и нечиновников всех классов, произошла или от расточительности их жен, которые так жадничают блистать в свете большим и малым и требуют на то денег от мужей, или же от пустоты их домашней жизни. Душа жены – хранительный талисман для мужа, оберегающий его от нравственной заразы; ... и наоборот, душа жены может быть его злом и погубить его навеки». Наиболее глубоко смысл женского образа жизни автор раскрыл в последующем письме, адресованном А.О. Смирновой. Она была женой провинциального губернатора. «Вы первое лицо в городе, с вас будут перенимать все до последней безделушки... Вы будете законодательницей во всем. Если вы только собственные ваши дела станете обделывать хорошо, то и сим уже сделаете влияние, потому что заставите других заняться получше собственными делами» (Н.В. Гоголь «Что такое губернаторша»).

Другое письмо посвящено рассуждению о том, «чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей»: «Не оставайтесь поутру с вашим мужем; гоните его на должность в его департамент, ежеминутно напоминая ему о том, что он весь должен принадлежать общему делу и хозяйству всего государства (а его собственное хозяйство не его забота: оно должно лежать на вас, а не на нем) ... жена дана ему не на помеху службе, но в укреплении его на службе... Никто теперь в России не умеет сказать самому себе этого твердого «нет». Нигде я не вижу мужа. Пусть же бессильная женщина ему о том напомнит! Стало так теперь все чудно, что жена должна повелевать мужу, дабы он был ее глава и повелитель» (Н.В. Гоголь «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей»).

Что, по мнению Гоголя, потеряли в себе мужчины из мужского начала? В патриархальной семье действовали заповеди: «Жена да убоится мужа», «Муж всему голова» и т.п. Муж – это основа патриархальной семьи. А то, что изображает Гоголь в своих произведениях, – свидетельство ее распада. В качестве подтверждения гипотезы можно привести характеристику отношений из «Старосветских помещиков»: жена Пульхерия Ивановна ездит по работам, ведет хозяйство, а Афанасий Иваныч сидит дома, читает календарь, ест и спит. А вот поведением Тараса Бульбы Гоголь свидетельствует о том, какой должна быть натура казака: жена плачет, не хочет отпускать сыновей, а Тарас цыкнул на нее – и забрал сыновей для служения родной земле. А в сыновьях уже автор наметил разность отношений к матушке: Остап не сентиментален, он воин, а Андрий, по мнению Тараса, не казак.

Мужчинам в завоевании женщин нужно преодолеть какие-то препятствия, пройти своеобразный обряд инициации. Женщины горделивы, самолюбивы или несвободны от воли родителей. Сами мужчины этого сделать не могут, не хватает свободы, не могут переступить через традиции и т.п. В борьбе за женщину им помогает нечистая сила (цыган-обманщик, использовавший страх перед чертовщиной старого казака и уговоривший отца отдать Параску за Голопупенкова сына; русалка, которая достает чудесным образом письмо для головы, в котором повелевается женить сына; черт, который сносил Вакулу в столицу за черевичками, и др.). Так и старая черная татарка сманила Андрия, и он отказался от самого святого – казацкого товарищества, чтобы завоевать расположение полячки. В итоге получается, что мужчины в своей чувственности ничем не уступают женщинам и теряют по этой причине свою святость, вступают в сговор с нечистой силой, иначе – совершают предательство. Так, можно выявить типологическую характеристику у лиц духовного сана: они блудники, не соблюдают тех законов, которым учат паству, – не прелюбодействуй. Другие – староста или голова – праздно проводят время, не исполняют своих прямых обязанностей,

проявляют власть, где не следует ее проявлять (запрещают парню встречаться или жениться, например).

Могут ли они спасти свою душу, замолить или искупить этот грех? Гоголь придумывает для героев такие ситуации. Например, кузнец Вакула после поездки на черте в столицу за черевичками стал богомазом, нарисовал в приделе ад и посадил в кипящий котел того самого черта. То есть он как бы очистил мир от черта, который, как следует из повести «Сорочинская ярмарка», был изгнан за какую-то провинность из пекла. Вакула победил собственную гордыню – справился с нечистой силой. Можно привести сравнительный контекст с Хомой из «Вия»: он не справился с нечистой силой, уступил силе Вия – и умер от страха в церкви.

Таким образом, гендерная проблематика, как и другие социокультурные проблемы в творчестве Н.В. Гоголя, рассматривается с точки зрения соответствия мужчины и женщины промыслу божиему, наличия в них святости – света. Исторический опыт позволил Гоголю обнаружить совсем не радостную закономерность – тенденцию к угасанию света в мужчине по причине его чувственности (женского начала) и необходимости (!) женщины править миром (мужское начало). В «Выбранных местах...» автор назвал такое состояние настоящим и дал ему яркую характеристику: «Оттого и вся беда наша, что мы не глядим в настоящее, а глядим в будущее. ...Оттого Бог и ума нам не дает; оттого и будущее висит у нас у всех точно на воздухе: слышат некоторые, что оно хорошо, ... но как достигнуть до этого будущего, никто не знает. ... Позабыли все. Что пути и дороги к этому *светлому* будущему сокрыты именно в этом *темном* и *запутанном* настоящем...». Таков был ответ Гоголя на извечные русские вопросы: кто виноват? и что делать?

Образ женщины в литературе Сибири конца XIX – начала XX в.

Внимание к данной проблеме обусловлено интересом исследователей к женским персонажам, занимающим значительное место в литературе. Не случайно с именем женщины связано воплощение художественного и

эстетического идеала. Часто авторы произведений наделяют своих героинь лучшими качествами. В связи с этим образ женщины в литературе приобретает символическое значение.

Женские образы создавались в литературе с самого начала ее зарождения. Так, в древнерусский период в «Повести временных лет» (969 г.) летописец поэтизирует княгиню Ольгу, которая в числе первых русских правителей приняла христианство еще до крещения Руси, а впоследствии стала первой русской святой: *«Была она предвозвестницей христианской земли, как денница перед солнцем, как заря перед рассветом. Она ведь сияла, как луна в ночи, так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи»*. В другом более позднем древнерусском произведении «Повесть о Петре и Февронии Муромских» (XVI в.) образ главной героини выносится в название, а сама Феврония в произведении выступает олицетворением мудрости, любви к Богу. Именно Феврония помогает Петру понять, что он должен проявить мягкость сердца и смирения, а не гордыню.

В литературе конца XVIII в., в период сентиментализма, художников слова стали интересовать перипетии внутреннего мира героев. Классическим произведением этого периода является «Бедная Лиза» (1792 г.) Н.М. Карамзина. Литература конца XVIII – начала XIX в. воссоздает яркую картину жизни общества этого временного периода. В центре внимания русской классической литературы становится повествование о женской судьбе. Известны баллады В.А. Жуковского «Людмила» (1808), «Светлана» (1808-1812), «Недоросль» Д.И. Фонвизина, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина – и это далеко не полный список лучших произведений русской литературы, в котором представлены загадки женской души и «милый идеал» прекрасного пола.

В 70-е гг. XIX в. классики русской литературы отражают в своих произведениях важную тенденцию жизни общества, которая связана не только с внутренним миром главной героини, но и с меняющимся положением и местом женщины

в обществе. Так, особое место в литературе этого периода занимает тема семейная. К таким произведениям относятся роман «Анна Каренина» (1873 – 1876) Л.Н. Толстого, пьеса «Бесприданница» (1878) А.Н. Островского и др. В литературе XX в. все чаще возникают вопросы, связанные с процессом эмансипации женщины в обществе. Представительницы слабого пола наравне с мужчинами участвуют в общественной, трудовой, семейной жизни общества («Мать», «Васса Железнова» М. Горького, «Веринея» Л. Сейфуллиной и др.). В литературе так называемых писателей-деревенщиков изображено множество представительниц преклонного возраста, которые являются символом уходящего мира, хранительницами традиций, источником родовой памяти. К таким героиням можно отнести Анну из «Последнего срока», Дарью из повести «Прощание с Матерой» В.Г. Распутина, Екатерину Петровну из «Последнего поклона» В.П. Астафьева и др.

Актуальность обращения к данной теме заключается в том, что вопрос об особенностях изображения женских образов в литературе Сибири конца XIX – начала XX в. представляется малоизученным. Объектом изучения данного вопроса послужат повесть А.Е. Новоселова «Мирская» (1919) и сборник рассказов «В просторах Сибири» (1913) Г.Д. Гребенщикова.

Творчество А.Е. Новоселова (1884 – 1918) не достаточно исследовано. Накануне Октябрьской революции слава писателя и этнографа А.Е. Новосёлова шагнула далеко за пределы региональной литературы. Произведения его ценили сибирские писатели и М. Горький, который всячески его поддерживает и открывает дорогу в большую литературу.

Произведение впервые опубликовано в журнале «Сибирский рассвет» в 1919 г. (посмертно). В повести «Мирская» автор рассказывает нам о жизни Аннушки после смерти родителей, о её пребывании в монастыре. Родилась Аннушка в семье «кержаков Бобровых». Главной героине Аннушке 17 лет, «высокая да крепкая, с лица и станом удалась на славу». Имя Анна от древнееврейского «благодать», «милостивая». Это первое, что мы узнаем об

Аннушке, и уже здесь заметны противоречия: внешне молодая, здоровая девушка, должна продолжать свой род, рожать детей. Но имя Анна означает «милостивая, благодать». Такая характеристика напоминает описание монахини, верующего человека. Исходя из вышесказанного, можно определить основной конфликт исследуемой повести как борьбу естественного, мирского и внутреннего, духовного. Существует такое мнение, что имя человека предопределяет его судьбу. Так случилось и с Аннушкой, но к осознанию своего назначения она приходит, преодолев искушения мирской жизни.

Мотив искушения проходит через всю ткань повествования и является сюжетообразующим. Уже на первых страницах повести «Мирская» А.Е. Новоселов пишет: *«...погостили в обители, и надо бы в путь собираться, а девка ходит хмурая, смутная, потерянная. Не устояла перед тихой радостью, с какой обитель проводила дни, всей душой прилепилась к старым, ласковым монахиням»*. Подкупила Аннушку тишина обители, её близость к природе, умиротворенность, какой не найдешь в мирской жизни.

Второй раз Аннушка поддалась искушению в тот момент, когда в обитель приехали «первые паломники». С их приездом и начинается главное искушение Аннушки – искушение плотью. Среди гостей был парень Василий. И когда Аннушка в первый раз обратила на него внимание, *«взгляды встретились, скрестились на момент, на один только миг, а девка вспыхнула, на щеках расцвело по пиону, и никак их не сгонишь. Не угощала уже больше Василия, <...>, но непослушные глаза все норовят взглянуть»*.

Уже при первой встрече мы видим реакцию Аннушки на Василия – понимает, что нельзя смотреть, но глаза не слушаются её, искушение слишком велико и она бросает на парня частые взгляды. Героиня ничего не замечает вокруг, когда Василий рядом. Завладело ею естественное, плотское. Понимает, что сплетни про них ходят по обители, но и не думает прекращать общение с Василием. Очень показателен эпизод, в котором описано общение Аннушки с конем

Карькой. Вообще, «в скиту – от соблазна подальше – не держали никакой животины...». Но сейчас там стояли лошади гостей, и Аннушка увлеклась запахом, начала гладить коня Василя, вспомнила двор отца, вся растворилась в своих ощущениях, заплетала косы в гриве и челке коня. В энциклопедии символов лошадь означает скорость, грацию, а также мужество. Помимо прочего лошадь служит атрибутом женской символики, связанной с сексуальностью и вождением.

И пик искушения плотью, наивысшая точка внутренней борьбы Анны проявляется в ее снах: *«Подряд, уже много ночей, Василий. Вот он. Желанный, ласковый, единственный. Вот он ясный и страшный, непонятный и простой, - лежит рядом, мучитель. Выпил кровь до капельки, разорвал на части сердце. Нет спасенья от него, душит ласками...»*. Особенно во сне терзания Аннушки жестоки, мучительны. Таким образом, благодаря этой ночной агонии Аннушка поняла, насколько сильно влияние Василя на её жизнь, как несколькими словами её можно сбить с истинного пути и насколько она еще не готова уйти от мирского и спокойно воспринимать соблазны внешнего мира.

Следующее искушение Аннушки – Васса. Васса тоже послушница в обители, автор описывает её следующим образом: *«...рыжие нечесанные космы выбились из-под черной косынки, рябое красное лицо все такое же злое, как и в пост, как всегда, а губы тонкие, наглухо стиснутые, будто на замок их заперли»*, *«перезрела девка, высохла и выточила к тридцати годам в пустую землю соки девичьи – не быть уже матерью»*. И Васса советует Аннушке: *«Уходи...Может, мне вот так тошно, только сейчас я с добра тебе говорю. Мирская ты, уходи»*. Похожие слова Аннушка позже услышит и от Ксении: *«До конца изгори. Поколь не изгоришь, не допущу. Ежели будет не под силу, лучше выйди на мир. Вот!...»*. Две послушницы обители советуют Аннушке уйти из монастыря, говорят, что «не дошла» она еще. Но героиня ищет свою правду: *«А правда оказалась близка, в ней самой.<...> Выпрямившись, гордая-гордая, уверенная, радостная стояла Аннушка над*

приникнувшей к земле обителью, и казалась она ей такой маленькой, хилой и грешной. Разве так надо молиться, разве можно с этим идти к богу?». И в конце повести Аннушка находит истину: «...на миру по-божьи не прожить. Чистоты не будет... Думала я сколько – нету чистоты там... Здесь способнее... К камню да к лесу поближе. Лес безгрешный, и травка безгрешная, все тут дождичком омыто, снегами выморожено, солнышком повыжжено. А человеку это в помощь... Уморит свою плоть, одну душу оставит, вот душа-то и засветит, без пятнышка... к богу подойдешь, тогда!..».

Таким образом, Новоселов указывает нам на то, что на протяжении всей жизни человек искушаем. Испытания эти могут быть разного характера. Но важно понять, что в данный момент нужно сделать правильный выбор и не отойти от своей правды. И в повести «Мирская» главная героиня проходит путь искушения и находит ту истину, которая поможет обрести ей веру. Бог во всем, Аннушка видит его повсюду, поэтому и плачет, когда звонит в колокол, и преображается наедине с природой. Она остается в обители не потому, что приняла христианскую веру, а потому, что «...здесь способнее. <...>К камню да к лесу поближе. <...> А человеку это в помощь».

Главная героиня повести здоровая, крепкая, ей детей рожать, а не засохнуть в обители. Она ищет ответ на вопрос: как душу в чистоте сохранить, как уравновесить телесное и духовное? Ей на роду написано жить, но как: аскетично, подавляя все желания или в полную силу? Но она не в миру, не в монастыре не может найти ощущение полной гармонии, ни та, ни другая жизнь не способствует тому, чтобы получить божественную благодать. Но в конце повести героиня объясняет, почему остается в монастыре: там ближе к природе. Близость с природой позволит ей сохранить душу.

Вопросы и задания

1. Основу сюжета рассказа Зинаиды Гиппиус «Вечная «Женскость»» (1903) составляет разговор Ивана Коковцева с матерью, которой он сообщает о разводе с женой Варей, полюбившей другого человека. Прочитайте отрывок из данного рассказа и ответьте на вопросы:

1) Как Вы думаете, существует ли чёткая оппозиция: мужское-женское, в поведении героев (матери и Ивана Коковцева)? Докажите свой ответ примерами из текста.

2) Что, с точки зрения матери, характеризует мужчину? Что, в понимании Ивана, характерно для всех женщин? Можно ли в данном случае говорить о стереотипах восприятия мужчинами женщин и женщинами мужчин?

3) Что, по мнению Ивана, алогично в поведении матери? Можно ли объяснить логику её поведения?

Мать, видимо, страдала: Иван был ее единственный сын.

— Ах, ничего она меня не променяла, — сказал Иван, досадливо морщась и занятый своими мыслями.

— Да ведь она тенора полюбила!

— Отчего полюбила? Я не думаю. Я потом узнал, что она, действительно, в тех же меблированных комнатах живет, где и тенор. Но тенор очень занят. Она, вероятно, недолго будет им увлекаться. У Вари теперь большое и веселое общество. Она свободна. К ней, я думаю, другие относятся лучше, разумнее, чем когда-то я относился. Только здоровье у нее хрупкое. Заболеет, пожалуй. Я ей хочу написать, чтобы она, если заболеет, вернулась ко мне. Я ее выхожу.

— Ваня, да что с тобой? Ведь это же безнравственно. И ты хочешь ей все простить? Извини меня, но это бесхарактерность, это недостойно мужчины.

Иван опять посмотрел на мать с удивлением.

— Я никогда еще не думал, мамочка, о себе — исключительно как о мужчине. Я не знаю. А простить Варю я

ничего не хочу, потому что не вижу, что прощать. И какая тут безнравственность? Это не касается ни людской нравственности, ни безнравственности. Для меня теперь все стало совершенно ясно. Я прежде, по привычке, взятой от людей, тоже в этом роде судил. Конечно, жаль, что около Вари все это очень неказисто, суетливо, недостаточно блестяще, и тенор из неважных; жалко, что она там устанет и заболит; но по существу разницы нет. Другие были бы формы, — а было бы все то же. Всегда все приблизительно то же. Я знаю, почему я не понимал Варю и не могу понимать. Но нисколько она не «дрянная» женщина. Не знаю, какая она женщина (не очень счастливая, удачливая, — это правда). Я знаю, что она — женщина. Женщину не надо совсем понимать. Если и временного чувства собственности нет — тогда жалеть надо. Угреть, накормить надо, если есть близкая. Уйдет — оставить. Придет — угреть.

— Господи, да ты помешался. Ваня, Ваня, дорогой мой! Как это на тебя повлияло! Оставь, забудь эту негодную женщину. Добейся развода. Ты так молод, ты еще полюбишь достойную тебя девушку, честную, ты еще будешь счастлив... Ты успокоишься...

— Мама, да что ты? Да разве возможно то, что ты говоришь: — жениться? Любить, ласкать, греть, отпускать — да. А жениться? Ты смеешься надо мной?

Мать заволновалась, уловив легкий шум извне.

— Ваня, ради Бога... — зашептала она. — Выгляни за дверь... Я боюсь, что Леночка слушает... Это было бы ужасно, если бы она слышала. Она — такой ребенок.

Иван отворил дверь. На него, прямо в упор, глянули красивые темные глаза, по-своему умные, по-своему правые, прекрасные, таинственные — и, в их вечной, в их собственной таинственности, совершенные; глаза того существа, которое все уговорились считать и называть человеком, — и зовут, и стараются считать, хотя ничего из этого, ни для кого, кроме муки и боли, не выходит.

Глаза блеснули и скрылись под ресницами. Леночка встала, неторопливо и бесшумно ушла. Что она, случайно

слышала? Или подслушивала? Бесполезно было бы доискиваться правды. Разве она знала ее сама?

Иван вернулся в угловую и молча, с изменившимся вдруг, усталым лицом поглядел на мать.

— Что, не было? — шепнула она и прибавила громко, со вздохами:

— Нет, Ваня, нет, дорогое дитя мое. Поверь, я понимаю тебя: ты еще любишь эту женщину, ты ослеплен... Конечно, надо бы спасти ее, не дать ей окончательно погрязнуть... Я поеду, я поговорю с ней. Помочь можно, но простить — нет. Поверь, она тебя же станет презирать. Прощать в таких случаях... То есть в этом случае... Не могу и подумать. Тебя, моего красивого, моего умницу — променять на тенора! Ужасно! Ужасно! Это меня может в гроб свести. Ваня, ты слышишь?

Иван поднял глаза, улыбнулся тихой, виноватой улыбкой — но не сказал больше ничего. Он так долго рассказывал матери о своем горе и о своем новом прозрении, — и забыл, что мать его — женщина. Старая, милая, кровью рожденья привязанная к нему; но и она — из тех же существ, которые даны миру, но которых не дано понимать, которым не дано понимание; и она — женщина.

2. Прочитайте стихотворение 3. Гиппиус «Ты». Какова особенность лирического героя? Можно ли чётко обозначить его принадлежность по гендерному признаку? Почему? Обратите внимание на то, что традиционный символ женского начала, луна, фигурирует и в его мужской ипостаси, как месяц. Как можно интерпретировать эту двойственность?

Ты

Вешнего вечера трепет тревожный —

С тонкого тополя веточка нежная.

Вихря порыв, горячо-осторожный —

Синей бездонности гладь безбережная.

В облачном небе просвет просиянный —

Свежих полей маргаритка росистая.

Меч мой небесный, мой луч острогранный –
Тайна прозрачная, ласково-чистая.

Ты – на распутье костер ярко-жадный –
И над долиною дымка невестная.

Ты - мой веселый и беспощадный –
Ты – моя близкая и неизвестная.

Ждал я и жду я зари моей ясной,
Неутомимо тебя полюбила я...

Встань же, мой месяц серебряно-красный,
Выйди, двурогая, – Милый мой – Милая..

3. Прочитайте два отрывка из поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души», в которых предметом изображения является разговор Чичикова с Коробочкой и Собакевичем о покупке мёртвых душ. Сравните вербальное и невербальное поведение Ноздрёва и Коробочки. Можно ли говорить о том, что разница восприятия необычного предложения Чичикова обусловлена гендерными особенностями? Докажите свою точку зрения примерами из текста.

<...>

– На все воля божья, матушка! – сказал Чичиков, вздохнувши, – против мудрости божией ничего нельзя сказать... Уступите-ка их мне, Настасья Петровна?

– Кого, батюшка?

– Да вот этих-то всех, что умерли.

– Да как же уступить их?

– Да так просто. Или, пожалуй, продайте. Я вам за них дам деньги.

– Да как же? Я, право, в толк-то не возьму. Нешто хочешь ты их откапывать из земли?

Чичиков увидел, что старухахватила далеко и что необходимо ей нужно растолковать, в чем дело. В немногих словах объяснил он ей, что перевод или покупка будет значиться только на бумаге и души будут прописаны как бы живые.

– Да на что ж они тебе? – сказала старуха, выпучив на него глаза.

– Это уж мое дело.

– Да ведь они ж мертвые.

– Да кто же говорит, что они живые? Потому-то и в убыток вам, что мертвые: вы за них платите, а теперь я вас избавлю от хлопот и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверх того дам вам пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

– Право, не знаю, – произнесла хозяйка с расстановкой.

– Ведь я мертвых никогда еще не продавала

– Еще бы! Это бы скорей походило на диво, если бы вы их комунибудь продали. Или вы думаете, что в них есть в самом деле какой-нибудь прок?

– Нет, этого-то я не думаю. Что ж в них за прок, проку никакого нет. Меня только то и затрудняет, что они уже мертвые.

"Ну, баба, кажется, крепколая!" – подумал про себя Чичиков.

– Послушайте, матушка. Да вы рассудите только хорошенько: – ведь вы разоряетесь, платите за него подать, как за живого...

<...> – Право, – отвечала помещица, – мое такое неопытное вдовье дело! лучше ж я маненько повременю, авось понаедут купцы, да примерюсь к ценам.

– Страм, страм, матушка! просто страм! Ну что вы это говорите, подумайте сами! Кто же станет покупать их? Ну какое употребление он может из них сделать ?

– А может, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся... – возразила старуха, да и не кончила речи, открыта рот и смотрела на него почти со страхом, желая знать, что он на это скажет.

– Мертвые в хозяйстве! Эх куда хватили! Воробьев разве пугать по ночам в вашем огороде, что ли?

– С нами крестная сила! Какие ты страсти говоришь! – проговорила старуха, крестясь.

– Куда ж еще вы их хотели пристроить? Да, впрочем, ведь кости и могилы – все вам остается, перевод только на бумаге. Ну, так что же? Как же? отвечайте по крайней мере.

Старуха вновь задумалась.

– О чем же вы думаете, Настасья Петровна?

– Право, я все не приберу, как мне быть; лучше я вам пеньку продам.

– Да что ж пенька? Помилуйте, я вас прошу совсем о другом, а вы мне пеньку суετε! Пенька пенькою, в другой раз приеду, заберу и пеньку. Так как же, Настасья Петровна?

– Ей-богу, товар такой странный, совсем небывалый!

Здесь Чичиков вышел совершенно из границ всякого терпения, хватил в сердцах стулом об пол и посулил ей черта.

Черта помещица испугалась необыкновенно.

– Ох, не припоминай его, бог с ним! – вскрикнула она, вся побледнев. – Еще третьего дня всю ночь мне снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картах после молитвы, да, видно, в наказание-то бог и наслал его. Такой гадкий привиделся; а рога-то длиннее бычачьих.

<... > "Хорошо бы было, - подумала между тем про себя Коробочка, - если бы он забрал у меня в казну муку и скотину. Нужно его задобрить: теста со вчерашнего вечера еще осталось, так пойти сказать Фетинье, чтоб спекла блинов; хорошо бы также загнуть пирог пресный с яйцом, у меня его славно загибают, да и времени берет немного".

<... >

Чичиков начал как-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русского государства и отозвался с большою похвалою об его пространстве, сказал, что даже самая древняя римская монархия не была так велика, и иностранцы справедливо удивляются...

<...>

– И так?.. – сказал Чичиков, ожидая не без некоторого волнения ответа.

– Вам нужно мертвых душ? – спросил Собакевич очень просто, без малейшего удивления, как бы речь шла о хлебе.

– Да, – отвечал Чичиков и опять смягчил выражение, прибавивши: – несуществующих.

– Найдутся, почему не быть... – сказал Собакевич.

– А если найдутся, то вам, без сомнения... будет приятно от них избавиться?

– Извольте, я готов продать, – сказал Собакевич, уже несколько приподнявши голову и смекнувши, что покупатель, верно, должен иметь здесь какую-нибудь выгоду.

"Черт возьми, – подумал Чичиков про себя, – этот уж продает прежде, чем я заикнулся!" – и проговорил вслух:

– А, например, как же цена? хотя, впрочем, это такой предмет... что о цене даже странно...

– Да чтобы не запрашивать с вас лишнего, по сту рублей за штуку! – сказал Собакевич.

– По сту! – вскричал Чичиков, разинув рот и поглядевши ему в самые глаза, не зная, сам ли он ослышался, или язык Собакевича по своей тяжелой натуре, не так поворотившись, брякнул вместо одного другое слово.

– Что ж, разве это для вас дорого? – произнес Собакевич и потом прибавил: – А какая бы, однако ж, ваша цена?

– Моя цена! Мы, верно, как-нибудь ошиблись или не понимаем друг друга, позабыли, в чем состоит предмет. Я полагаю с своей стороны, положи на руку на сердце: по восьми гривен за душу, это самая красная цена!

<...>

– Какая ж ваша будет последняя цена? – сказал наконец Собакевич.

– Два с полтиною.

– Право у вас душа человеческая все равно что пареная репа. Уж хоть по три рубли дайте!

– Не могу.

– Ну, нечего с вами делать, извольте! Убыток, да нрав такой собачий: не могу не доставить удовольствия ближнему. Ведь, я чай, нужно и купчую совершить, чтоб все было в порядке.

– Разумеется.

– Ну вот то-то же, нужно будет ехать в город.

Так совершилось дело. Оба решили, что завтра же быть в городе и управиться с купчей крепостью. Чичиков попросил списочка крестьян. Собакевич согласился охотно и тут же, подошед к бюро, собственноручно принялся выписывать всех не только поименно, но даже с означением похвальных качеств.

4. Прочитайте отрывок из пьесы современного драматурга Н. Коляды «Коробочка». Выделите особенности ведения диалога, свойственные для женского речевого поведения. Обратите внимание на лексику, тематику разговора, стереотипы женского восприятия, логику изложения, невербальные компоненты.

Из экипажа вылезла барыня: эта барыня была помещица, коллежская секретарша Коробочка. Не разбирая дороги, бросилась она в комнаты, толкая прислугу. Вбежала в большую комнату, где у зеркала прихорашивалась Анна Григорьевна, хозяйка дома.

<...>

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да что ж вы в такую позднь, милая? Или в такую рань? Случилось что?

КОРОБОЧКА. Матушка моя, Анна Григорьевна, ты одна у меня городская родственница, хоть и троюродная кума, но образованная, и ты поможешь, разъяснишь, объяснишь, что к чему...

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да что случилось? Я уж спать ложусь, не до гостей!

КОРОБОЧКА. Да ведь как уехал он, так я пришла в такое, в такое пришла я беспокойство насчет могущего произойти со стороны его обмана...

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да кто, что? Да куда уехал, начните по порядку?

КОРОБОЧКА. Вот как уехал он, как уехал, так я, не поспавши три ночи сряду, решила ехать в город, несмотря на то, что лошади не подкованы! И вот я тут, чтобы тут или там у вас узнать наверно, почем нынче ходят мертвые души,

и уж не промахнулась ли я, Боже сохрани, продав их, может быть, втридешева. А?!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Мертвые души?

КОРОБОЧКА. Мертвые души.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Кто покупал?

КОРОБОЧКА. Чичиков некий такой. Пузастый такой. Знаешь его?

<...>

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Чичиков?! Мертвые души? Покупал?!

Хозяйка дома невероятно оживилась, предчувствуя развлечение.

Матушки! Матушки мои! Стойте! Нет! Да! Стойте! Нам надобно немедля Софью Ивановну для совета! Вот я ее вызову! Палашка! Немедля гони к Софье Ивановне и скажи, что зову ее срочно ко мне по пожарному делу!

ПАЛАШКА. Барыня, ночь на дворе!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Что я тебе сказала?! Немедля! Беги! Сядьте же! Сядьте, расскажите? Итак, мертвые души! Что – мертвые души, кто – мертвые души, где – мертвые души, ну, ну, ну!?

КОРОБОЧКА. Послушай только, Анна Григорьевна! Итак, вдруг в глухую полночь, когда все уже спало в моем доме, раздастся в мои ворота стук, опаснейший, какой только можно себе представить...

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Боже! Я боюсь, боюсь, боюсь, боюсь, боюсь! Это ведь совершенный роман господина Загоскина!

КОРОБОЧКА. И кричат: «Отворите, отворите, не то будут выломаны ворота!».

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Прямо так?!

КОРОБОЧКА. Прямо так. Каково это тебе покажется?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Каков же после этого прелестник!

КОРОБОЧКА. Кто прелестник? Чичиков твой прелестник?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Ну да! Ну да! Про него весь город говорит! Да зачем же он к вам, к вам-то?! Вы, конечно, хорошо сохранились, Настасья Петровна, но разве вы так молоды и так хороши собою, чтобы в ночь стучаться в ваши ворота?

КОРОБОЧКА. Я старуха! Я старая старуха, матушка! Зачем ко мне ночью стучаться?! И с ножом к моему горлу – отдай мертвые души мне! Отдай!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Ах, прелести! Так он за старуху принялся! Ну, хорош же после этого вкус наших дам, нашли в кого влюбиться!

КОРОБОЧКА. Что?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Не важно! Ну, дальше, дальше что?! Что ж он, стал требовать близости?!

КОРОБОЧКА. Да ведь нет, Анна Григорьевна, совсем не то, что ты полагаешь. Какая уже близость-то, прости Господи. Вообрази себе только то, что является вооруженный с ног до головы...

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Вооруженный?! Вроде Ринальда Ринальдина?!

КОРОБОЧКА. Хуже! И требует: «Продай, говорит, все души, которые умерли!».

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Какие души?!

КОРОБОЧКА. Я отвечаю ему очень резонно, говорю: «Я не могу продать, потому что они мертвые». Я беззащитная и слабая-преслабая...

<...>

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да что за ерунда такая? Это, однако ж, странно. Что бы такое могли значить эти мертвые души? Я, признаюсь, тут ровно ничего не понимаю. <...>А что ж, вы полагаете, здесь скрывается?

КОРОБОЧКА. Ну, как ты думаешь?

<...>

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Это просто выдуманно только для прикрытия, а дело вот в чем: он хочет увезти губернаторскую дочку!

Коробочка раскрыла рот и замерла недвижно, будто после апоплексического удара.

Тут по ступенькам крыльца застучали каблучки, и в комнату вбежала Софья Ивановна, дама, приятная во всех отношениях.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Чмоки мои вам, Анна Григорьевна! Чмоки-чмоки-чмоки! Что, что произошло, не томите?! Скорее, скорее!

<...>

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Как же я рада, что вы тут! И вам мои чмоки! Я слышу, кто-то подъехал, да думаю себе, кто бы мог так поздно? Ну, думаю – вице-губернаторша, думаю: «Ну вот, опять приехала, дура, надоедать». И уж хотела сказать, что меня нет дома... И забыла я от этих событий, что я Палашку посылала за вами! Пойдите! Какой веселенький на вас ситец!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Да, очень веселенький. Ну, не томите, что, что, говорите?!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Послушайте, Софья Ивановна, только – сядьте, а то упадете. Итак. Вот. Вот перед вами доказательство. Вот это вот – Настасья Петровна. Коробочка. Фамилия у нее такая. Она сейчас вообще в апоплексическом ударе от всех событий, не обращайтесь на нее внимания, а слушайте меня...

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Нет, Анна Григорьевна! Пока не забыла – я вам скажу! Сначала послушайте вы меня, послушайте, что я вам скажу, потому что дело не терпит отлагательств! И я сама хотела было к вам ехать сообщить важную новость, такую новость, что вы сами сядьте, а то упадете. Хотела ехать к вам, а тут как раз прибегает Палашка.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да что ж такое?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Дело в том – Боже, у меня сердце сейчас выскочит из груди! - дело в том, что Прасковья Федоровна, губернаторша наша, однако же находит, что лучше, если бы клеточки на платьях были помельче и чтобы не коричневые были крапинки, а голубые! Вы представляете себе?!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Это что, шутка такая? Софья Ивановна, вы в себе?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. В себе, в себе! Какие шутки? Сестре ее прислали материйку: это такое очарованье, которого просто нельзя выразить словами! Вообразите себе: полосочки узенькие-узенькие, какие только может представить воображение человеческое, фон голубой и через полоску все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки...

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Глазки и лапки?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Да! Глазки и лапки! Словом, бесподобно! Можно сказать решительно, что ничего еще не было подобного на свете. Ну, какова новость?! Что вы об этом думаете?!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Милая, это пестро.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ах, нет, не пестро.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Ах, пестро!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ну, ладно. Будь по-вашему. Тогда слушайте вот еще новость. Вот сейчас-то вы точно упадете. Поздравляю вас: оборок более не носят.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Как оборок – не носят? Что значит – не носят? Как – не носят? Что вы такое вообразили, что вы такое говорите?!

<...>

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да послушайте только, что я вам открою...

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Распустили слухи, что он хорош, а он совсем не хорош, совсем не хорош, и нос у него... Самый

неприятный нос!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Позвольте же, позвольте же только рассказать вам... Душенька, Софья Ивановна, позвольте рассказать! Ведь это история, понимаете ли: история, сконапель истоар...

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Какая же история?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. И что бы вы думали: наш-то смиренник, приезжий-то наш, каков, а? Вот, Настасья Петровна не даст соврать, она такое рассказывает мне...

КОРОБОЧКА. Да, он – мертвые души...

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Что-с?

КОРОБОЧКА. Он – мертвые души! Купил у меня за пятнадцать рублей, и птичьи перья тоже покупает, и много всего обещался закупить, в казну сало тоже ставит, и потому, наверно, плут, ибо уж был у меня один такой, который покупал птичьи перья и в казну сало поставлял, да обманул всех и протопопшу нашу надул более чем на ста рублей.

<...>

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Дак знаете, что это значит?! Ведь он хочет увезти дочку губернатора, вот что!

Немая сцена.

8. Задание. Ниже представлен фрагмент из монографии З. Р. Хачмафовой «Женская языковая личность в художественном тексте: когнитивно-функциональный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского и немецкого языков)». Подтвердите или опровергните указанные автором особенности языка женской прозы. Свой ответ аргументируйте, используя примеры из текстов современных детективов.

«В процессе исследования языка текстов современной женской прозы на русском и немецком языках мы пришли к выводу о том, что спецификой совокупной женской языковой личности являются гендернообусловленные языковые предпочтения, репрезентированные в персонажной и авторской речи в языке современной женской прозе, харак-

терными особенностями которой являются высокая эмоциональность, экспрессивность, некатегоричность.

Итак, специфика женской языковой личности в художественном тексте женской прозы выражается в следующих характеристиках:

А. *Эмоциональность и чувственность речи* — высокая концентрация на участке текста экспрессивно-эмоциональной, оценочной лексики и наличие эмоционально окрашенных любимых тематических и семантических полей, т.е. преобладание эмотивных средств, как на уровне лексики, так и на уровне синтаксиса.

Б. *Неуверенность и некатегоричность речи* — преобладание модальных конструкций, выражающих различную степень предположительности, неопределенности;

В. *Вежливый стиль речи* — наличие большого количества вежливых форм, «гиперкорректное» речевое поведение, наличие утверждений в форме вопросов, иллокуций неуверенности при отсутствии самой неуверенности.

Г. *Правильная и грамотная речь* — склонность к употреблению стилистически повышенных форм, клише, книжной лексики, коннотативно нейтральных слов и выражении, эвфемизмов».

9. Прочитайте фрагмент из произведения А. Жвалевского и Е. Пастернак «М+Ж. А черт с ним, с этим платьем!». Особенность данной книги в том, что события, происходящие с героями, поочередно описываются то с точки зрения «мужского мировоззрения», то с точки зрения «женского». Выявите гендерные различия в восприятии героями одной из ситуаций.

ОНА

До чего все-таки мужики одинаковые. Парочка наводящих вопросов, пара восхищенных: «Какая у тебя красивая машина!» – и всю дорогу я выслушивала рассуждения о преимуществах бензина перед дизелем,

заднего привода перед передним и «форда» перед всеми остальными машинами.

О том, что сама уже семь лет вожу машину, поменяла их как минимум три и ненавижу задний привод, я решила промолчать. Пусть говорит. Чем более умным он будет себя чувствовать, тем мне спокойнее. И так сложностей хватает.

А Сергей начал мне нравиться. Я сидела в машине, вытянув усталые ноги, и думала, что у меня очень мало знакомых мужчин, которые могли бы вот так просто извиниться. Пусть нескладно, пусть с розами этими дурацкими, но выдавить из себя «извини» – это поступок. И под разговор про машины, доллары и Лужкова я вдруг задумалась, а почему я, собственно, такая стала. Ведь если бы не милиционер на станции метро, я бы на Сергея так рывкнула при попытке только приблизиться, что бежал бы до самого дома, не останавливаясь. А сейчас как-то размякла. Сижу в машине, меня везут, рассказывают какие-то банальные глупости, а меня это совсем не раздражает, даже наоборот, приятно. Чувствуешь себя женщиной, а не мамой, не гражданкой и не Катериной Ивановной.

Как давно я не влюблялась! Года три уже прошло после последнего раза. Собственно, не года три, а три года. Время летит! Тогда казалось, что недели без Него не переживу, часы считала. Телефон отключила, чтобы даже соблазна не было позвонить. Если бы не дочка, с которой нужно гулять, играть и три раза в день кормить, сидела бы целыми днями и рыдала.

Так, не стоит о грустном. Все давно позади, остался только страх пережить еще когда-нибудь хоть что-то подобное. Я могу с мужчинами дружить, могу кокетничать и заигрывать. Но как только понимаю, что мне хоть чуть-чуть не все равно, придет ли этот человек ко мне еще раз, просто перестаю общаться. Ну его.

В результате я приобрела такую репутацию, что ни один из моих знакомых не посмеет ко мне приблизиться, даже если я, под пьяную лавочку, сама об этом попрошу.

Все подружки говорят, что я ненормальная. И что в моем тридцатилетнем возрасте, имея квартиру и вполне

сексапильную внешность (что при наличии квартиры вовсе не обязательно), я могла бы просто купаться в мужском внимании. Если бы они узнали, что я познакомилась с кем-то в метро (!), да еще и провела у него две ночи подряд, они бы с ума сошли от радости. Но, похоже, я стала совсем отмороженная.

Хотя дурочку я, похоже, изобразила убедительно. Вон как заливается, просто соловей. Судя по тому, что он рассказывал, он искренне считал, что телевизор смотрят и радио слушают только в Москве. А дальше тайга, пурга и ничего не видно.

Вот, опять я ехидничаю. А почему бы не влюбиться? Романтическое знакомство, мистика какая-то нас все время преследует. Не обязательно же с ним жить. Повстречались бы какое-то время и разошлись, а впечатлений масса, адреналин опять же. Хороший же мужик, бабник, конечно, но это лечится. Он, наверное, заботливый. Завтрак бы в постель приносил... Хотя зачем мне завтрак в постель? Мне бы кого-нибудь, кто Машку в садик отвел, чтобы хоть пару дней выспаться. Да-а, совсем я не романтик. А может, переехать в Москву? Квартира у него хорошая, метро рядом, район чистый. Будет у меня ребенок ходить в нормальную школу, да и мне здесь работу найти гораздо проще, про зарплату вообще не говорю. Через пару лет рожу ему ребенка, будет образцово-показательная семья с воскресными выездами на пикник и походами в зоопарк. Только эту машину корявую потом нужно поменять на что-нибудь приличное...

Когда я очнулась, корявая машина стояла.

– А где это мы? – Я настолько была поглощена своими мыслями, что совсем не следила за дорогой.

Сергей смотрел на меня так снисходительно-нежно, что я решила: лучше подыграть и сделать вид, что я заснула. Тем более что до меня медленно дошло, о чем я только что думала, и лицо стала заливать краска.

ОН

За рулем я немного отошел. Все-таки приятно чувствовать себя хозяином положения. К тому же нам фантастически везло, мы почти не стояли в пробках. Ну, в

смысле, не больше пятнадцати минут. Всю дорогу я развлекал гостью светской беседой: рассказывал про свой «форд», делился проверенными слухами о Лужкове, посетовал на падение доллара по отношению к евро. Катерина только хлопала глазами, сдерживала зеवоту да иногда ляпала невпопад что-нибудь типа: «А где у вас тут можно посмотреть дублинку?» или: «А билеты в Театр эстрады трудно достать?»

Женщина!

Сознание интеллектуального превосходства подняло настроение еще выше. Вскоре оно (настроение, а не превосходство) достигло того уровня, за которым начинается бескорыстное угощение девушки ужином. Высмотрев место для парковки, я лихо втиснулся между двумя «Жигулями» и огляделся. Естественно, в пяти метрах оказался небольшой восточный ресторанчик.

– Здесь уютно! – объявил я. – Можем слегка перекусить.

Сам я намеревался умять небольшого восточного поросенка. Катенька мило восторгалась (оказывается, она задремала под аккомпанемент моих мудрых речей) и спросила:

– А где это мы?

– Здесь сносно кормят, – пояснил с уверенностью: по сравнению с провинциальными забегаловками любая московская кафешка может сойти за «Арагви».

Увидев, что моя дама все еще не может решиться, уточнил:

– Я угощаю. В конце концов, должен же я компенсировать моральный ущерб.

– Ну разве что ущерб. Ладно. Только недолго, мне еще к подруге нужно успеть.

Я чертыхнулся про себя. «Ладно!» Стало быть, я ее уговорил! Уломал – можно сказать, в ногах валялся. Но отступать было поздно.

Внутри и в самом деле оказалось довольно прилично. «Китайка» с вороными волосами и белесыми бровями приняла заказ и исчезла.

Пока я выбирал тему для беседы, гостья неожиданно взяла инициативу в свои маленькие руки.

– А расскажи о себе.

Глупая просьба. Глупее только «скажи что-нибудь» и «пошути». Я пожал плечами и рассказал о себе:

– Тридцать четыре года. Москвич. Работаю ведущим редактором. По образованию математик. МГУ. Квартира, машина, холост. Все.

– Но ведь у тебя была жена?

– Да, но как-то у нас не сложилось.

– А дети?

– Бог миловал.

– Почему? Дети – это хорошо.

– А у вас есть дети?

– А мы что, опять на «вы»?

– Ну, у вас с мужем.

– Муж мой давно живет отдельно с молодой и длинноногой.

Она еще и не замужем? От волнения я начал говорить комплименты:

– У тебя ноги тоже ничего.

– Спасибо. А дочка у меня есть. Представляешь, ее недавно проверял психолог – собеседование перед школой...

Следующий час я выслушивал хвастливые рассказы про маленькую Машку, которая самая умная, на коньках катается, по-английски три слова знает в совершенстве, и т.д. и т.п. За это время мы смогли заморить хорошо промаринованного и прожаренного червячка. Не отрываясь от рассказа, Катя мастерски овладела палочками, выдула бокал «Кадарки» и дважды с кем-то пообщалась по телефону. Я сумел вставить пять слов, причем три из них предназначались официанту.

Расплачиваясь (Катерина даже для виду не потянулась за кошельком), я ощутил, что утреннее беспокойство, которое погнало меня через весь город за малознакомой женщиной, отпустило. Вместо него появилась спокойная уверенность в себе, а также желание совершить что-то умеренно-сумасбродное.

– Ой! – сообразила Катя, когда мы уже выходили на вечерне освещенную улицу. – А о себе ты так и не рассказал. Как ты в редакторы-то попал из математиков?

И я, вышагивая по ежедневно-праздничной Москве, стал рассказывать. По молчаливому согласию мы не пошли к машине, а стали бродить по улицам. Я поведал романтическую историю об одаренном мальчике, который в шесть лет поступил в школу, в пятнадцать – окончил ее с медалью, в двадцать защитил диплом с отличием, в двадцать один начал сдавать экзамены кандидатского минимума, в двадцать два участвовал в странном подавлении странного путча. А когда демократия «так победила», выяснилось, что у нее нет лишних денег на содержание дармоедов, занимающихся анализом нелинейных преобразований.

– Надо было свалить в Германию, – признавался я, сыто жмурясь на неоновые сполохи казино, – меня звали. Упрашивали. А потом в Канаду. Нет, патриотизм выиграл. Остался здесь, в дыре.

– М-да? – хмыкнула Катерина, провожая взглядом кавалькаду, состоящую сплошь из «понтиаков» и «линкольнов».

Сделав вид, что не заметил иронии, я продолжил рассказ – теперь уже о талантливом молодом журналисте, который много, искрометно и совершенно без грамматических ошибок писал на околокомпьютерные темы. О том, как его заметили, предложили стать редактором (не главным, конечно) сначала в крупном компьютерном журнале, а потом и в издательстве.

– И что дальше? – спросила моя гостья, когда я умолк.

– Ничего. Работаю. – Довольство собой нервно заворчалось во мне и, кажется, слегка уменьшилось в размерах. – Книгу пишу. Даже две.

Последнее было почти правдой. Вот уже три года, насмотревшись на то сырье, которое мне под видом рукописей привозили авторы, я решил, что пора бы и самому. Даже составил план книги. Отличный план. Если бы мне такой принесли, я бы сразу понял, что передо мной

настоящий профи. Но... книга была о компьютерных технологиях, а они упорно не хотели ждать, когда я закончу рукопись. То и дело появлялась какая-нибудь революционная программа или железяка, и мне приходилось все начинать сызнова. Поэтому полгода тому я сел за мистически-фантастический роман. И уже добрался до двадцатой страницы. То времени не было, то на работе устанешь...

Но всего этого я, конечно, не стал рассказывать, пообещал только, что обязательно пришлю ей почитать, как только напишу какую-нибудь большую часть.

– Бандеролью, что ли? – удивилась Катя.

– Зачем? На е-мейл. У тебя ведь есть?

– В издательстве что-то такое есть, – проговорила она. – Это ведь то же самое, что Интернет? Интернет у нас есть точно. Присылай, очень интересно было бы почитать.

На сей раз доставить мою провинциалку к подруге удалось без проблем. Я даже дотащил тяжеленные сумки до квартиры, причем почти не запыхался. И подруга оказалась вполне ничего, вполне столичного вида – зыркала на меня с чисто московским нахальством. Под ее рентгеновским взглядом я всучил Катерине свой е-мейл, всевозможные телефонные номера и потребовал позвонить, как только опять окажется в Москве.<...>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вопросы для дискуссии

1. «Прошлое и будущее гендерной лингвистики» (А.В. Кирилина, М.И. Томская Лингвистические гендерные исследования <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya>).

2. Что нового вносит в лингвистическое описание гендерный подход, какие новые данные о языке и его функционировании он позволяет получить?

3. Какие средства языка используются для конструирования гендерной идентичности? В каких типах текста и дискурса это происходит с наибольшей степенью интенсивности? От чего зависит градуированная релевантность такого конструирования?

4. Какова роль гендерной метафоры в различных видах дискурса, непосредственно с полом не связанных?

5. Какие ограничения накладывает гендерный фактор на употребление языковых единиц? Как эти ограничения фиксируются в лексикографических и иных нормативных трудах? Как меняется описание семантики в связи с получением новых данных? Носят ли ограничения абсолютный характер?

6. В какой степени можно считать гендер социолингвистической категорией и какие изменения в исследовательских процедурах влечет за собой переход от приписывания гендеру статуса социолингвистической категории к рассмотрению его как параметра переменной интенсивности?

7. Как влияет научная традиция и социальная реальность на подходы к изучению гендерных аспектов языка и коммуникации?

8. Как экстралингвистические факторы влияют на интенсивность конструирования гендера?

9. Как меняется конструирование гендера в диахронии? Какие данные для исследования ментальности данной культуры и ее отражения в языке дает гендерный подход?

Темы рефератов

1. Женские образы в отечественной рекламе.
2. Женские образы в отечественной журналистике.
3. Роль средств массовой информации (СМИ) в формировании гендерных стереотипов.
4. Гендерная лингвистика: главные направления исследований.
5. Специфика "женского стиля" в литературе.
6. Жанровые особенности "женской прозы".
7. Мужские и женские жесты и жестовые фразеологические единицы.
8. Функционирование гендерных стереотипов в текстах советской прессы 1930-х гг.
9. Функционирование гендерных стереотипов в текстах российской прессы 1990-х гг.
10. Проявление гендерных стереотипов в детских песнях.
11. Язык кокетства (по материалам работ Ю.М. «Лотмана Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века)». – СПб., 1994, и Г.Е. Крейдлина «Мужчины и женщины в невербальной коммуникации». - М., 2005.).
12. Феминные стереотипы картины мира (данные ассоциативных словарей).
13. Маскулинные стереотипы картины мира (данные ассоциативных словарей).
14. Гендерные стереотипы в словаре В.И. Даля.
15. Вербализация образов девушки и юноши в русском фольклоре.
16. Гендерные стереотипы в поэтике городского фольклора.
17. Аргументы XIX в.: от словаря к тексту.
18. Концепты «институтка» и «кисейная барышня» в русской литературе.
19. Женские журналы XIX в.: специфика вербализации образа женщины.
20. Дневники З.Н. Гиппиус как женский дискурс.

21. Концепция пола В.В. Розанова: лингвистический аспект.
22. Гендерные стереотипы в «Толковом словаре языка Совдепии».
23. Концепт «мужик» в русской литературе XIX – XXI вв.
24. Концепт «пацан» в русской словесности XX – начала XXI в.
25. Гендерные стереотипы и педагогизация пола ребенка: данные словарей детской речи.
26. Образ мужчины в фольклорной картине мира.
27. Образ женщины в фольклорной картине мира
28. Номинации ребенка в русской языковой картине мира.
29. Гендер и телесная метафора.
30. Лингвистические аспекты женской прозы.
31. Лингвистические аспекты мужского письма.
32. Специфика женского речевого поведения.
33. Специфика мужского речевого поведения.
34. Гендерная специфика паралингвистики.
35. Репрезентация «идеальной» женственности в искусстве.
36. Формирование представлений об «идеальной» мужественности в культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений: учебное пособие. – М., 1999.
2. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. – М., 1984.
3. Бердяев Н. А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. М., – 993.
4. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. – Л, 1990
5. Бернштам Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – нач. XX в). // Этнические стереотипы поведения. – Л., 1985 . – С. 120-154.
6. Бианки В.Л., Филиппова Е.Б. Асимметрия мозга и пол. – СПб., 1997.
7. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т.1. – М., 1963
8. Блум Ф., Лейзерсон А, Хофстедтер Л. Мозг, разум, поведение. – М.,1988.
9. Булгаков С. Н. Тихие думы. М., – 1996. – С. 264-265
10. Булохов В.Я. Межполовые различия орфографической грамотности учащихся: пособие по спецкурсу. – Красноярск, 1999.
11. Бумагин Р.Е. Гендерные детерминанты речевого поведения // Речевое воздействие: сборник научных трудов. – Воронеж, 2000.
12. Вернер А.Ф. Речевое поведение женщин и мужчин // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: РЖ. – 1984. – №6 .
13. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. – М., 1961.
14. Виноградова Т.В., Семенов В.В. Сравнительное исследование познавательных процессов у мужчин и женщин: роль биологических и социальных факторов // Вопросы психологии. – 1993. – №2.
15. Воронина О. Введение в гендерные исследования (тезисное изложение лекции) // Материалы Первой

Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям. – М., 1997.

16. Воронина С.Б. Экспериментально-фонетическое исследование явления аффрикатизации палатализованных [т´], [д´] в современном русском литературном произношении: автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1984.

17. Горошко Е.И. Исследование оценочных значений прилагательных с целью установления пола автора документа // Криминалистика и судебная экспертиза. – 1990. – №5. – С.62-71.

18. Горошко Е.И. Проблемы изучения особенностей мужского и женского стиля речи // Формирование коммуникативных и интеллектуальных навыков школьников и студентов. – Днепропетровск, 1994. – С.160-169.

19. Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании. URL: <http://www.owl.ru/win/books/arikles/goroshko.htm>

20. Горошко Е.И. Особенности восприятия и порождения текста, обусловленные половой принадлежностью индивида // Антропоцентризм и прагматика. – М., 1995. – С.82-91.

21. Горошко Е.И. Особенности восприятия текста, обусловленные половой дифференциацией личности // Человек: Язык, Культура, Познание: тезисы научно-практической конференции. – Кривой Рог, 1995. – С.247-248.

22. Горошко Е.И., Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. – 1999 – №2. – С.234-343.

23. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 1957.

24. Ерофеева Е.В. К вопросу о фонетических характеристиках речи мужчин и женщин // Русский язык сегодня. – М., 2000. С.93-99.

25. Жельвис В.И. Инвектива: мужские и женские предпочтения // Этнические и культурные стереотипы социального поведения. – Л., 1989. – С.266-283.

26. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его

функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С.90-137.

27. Зиммель Г. Женская культура // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. – М., 1996.

28. Ильин И.А. О России и русской душе. – М., 1996.

29. Караулов Ю. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М., 2002.

30. Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. – 1998а. – № 2. – С.51-58.

31. Кирилина А.В. Перспективные направления развития гендерных исследований в российской лингвистике // Женщины России на рубеже XX – XXI веков: Материалы международной научной конференции. – Иваново, 1998 б. – С.16-20.

32. Кирилина А.В. Освещение связи языка и пола в истории лингвистики // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / под общ. ред. О.А. Ворониной. – М., 2001.

33. Кирилина А.В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (философский и методологический аспекты) // Общественные науки и современность. – 2000. – №4. – С.138-143.

34. Кон И.С. Психология половых различий // Вопросы психологии. – 1981. – №2. – С.47-57.

35. Котик Б.С. Межполушарное взаимодействие при осуществлении речи у билингов // Вопросы психологии. – 1983. – №6. – С.114-120.

36. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М., 2005.

37. Кронгауз М.А. Sexsus, или проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: сб. к 60-летию А.А. Зализняка. – М., 1996.

38. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. // Язык и наука конца XX в. – М., 1995. – С. 144-238.

39. Курбатов В.И. Женская логика. Игры общения и поведения. – Ростов-на-Дону, 1996.

40. Логинов А. А. Женщина и мужчина. – Красноярск, 1989. С. 24-26
41. Михалевич О.В. Проблема изучения языковой личности в лингвистике: исторический аспект. - Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2011. – №1.
42. Нечаева Н.А. Патриархатная и феминистская картина мира: анализ структуры массового сознания // Гендерные тетради. Выпуск 1. – СПб., 1997.
43. Пушкарева Н.Л. Гендерная лингвистика и исторические науки // Этнографическое обозрение. – 2001. – №2. – С. 31-40.
44. Пушкарева Н.Л. Женская история в России: направления, методы, перспективы исследования // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. – Уфа, 1997.
45. Розанов В. В. Религия и культура // Собр. соч. Т. 1. – М., 1995.
46. Русская разговорная речь. – М., 1973
47. Рюткенин М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. – 2000 – №3. – С.5-17.
48. Рябов О. Женщина и женственность в философии Серебряного века. – Иваново, 1997.
49. Салмина Т.Н. Факторы, обуславливающие возникновение половых различий в речевом общении // Из лингвопрагматики / под ред. В.Д. Девкина. – М., 2000. – С.100-108.
50. Синцова С.В. Художественно-смысловые контексты гендерной проблематики в произведениях Н.В. Гоголя // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2010. – № 2 (20). – С. 178 – 182.
51. Спрингер С., Дейг Г. Левый мозг, правый мозг. – М., 1983.
52. Ушакин С.А. Поле пола: в центре и по краям // Вопросы философии. – 1999. – №5. – С.71-85.
53. Флоренский П. А. Имена // Тайна имени. Т. 1. – Харьков, 1995.

54. Холод А.М. Прагматика родовых форм имени существительного в квазиконтексте // Прагматическое содержание грамматики текста. – М., 1992.

55. Шамхайкин А.М. Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной лингвистики. Диахрония и синхрония. – М.: 1996. С.226-273.

56. Шарифуллин Б.Я. Мужские и женские жанры речевого общения // Филологический ежегодник / под. ред. Н.Н. Мисюрова. – Омск, 2002. – Вып.4. – С.161-169.

57. Штейнберг У. Конфликты, связанные с мужской идентичностью // Штейнберг У. Круг внимания. – М., 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Тема 1. Социальные аспекты языка.....	5
Тема 2. Теоретические положения гендерной лингвистики....	9
Тема 3. Теория языковой личности.....	23
Тема 4. Причины различий в речевой деятельности мужчин и женщин.....	32
Тема 5. Гендерные стереотипы.....	44
Тема 6. Особенности мужской и женской речи.....	61
Тема 7. Гендерные аспекты невербального коммуникативного поведения.....	82
Тема 8. Гендерная проблематика в литературоведении.....	93
Приложение.....	137
Темы рефератов.....	139
Список литературы.....	141

Учебное издание

Тамара Андреевна Бахор
Ольга Николаевна Зырянова
Ольга Анатольевна Кашпур
Вера Степановна Лобарева
Надежда Алексеевна Мазурова
Светлана Викторовна Мамаева
Инга Анатольевна Славкина
Надежда Сергеевна Тишевская
Лариса Степановна Шмульская

Языковая личность в гендерном аспекте

Редактор И.А. Вейсиг
Компьютерная верстка авторов

Подписано в печать 18.03.2014 г. Формат 60x84/16
Усл.печ.л. 9,1. Бумага офсетная
Тираж 200 экз. Заказ

Издательский центр
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 79
Тел./факс 8(391)206-21-49

Отпечатано в «Литера-принт»
Заказ типографии №
г. Красноярск, т.295-03-40